

Воспоминания о матушке Анне или Анна – значит благодать

Знакомство

Знакомство наше с матушкой Анной произошло у ворот рядом с храмом в Переделкино.

Я, после очередного жизненного крушения, хотела переговорить с архимандритом Кириллом.

Надо сказать, что я в своей жизни один раз была уже у о. Кирилла. В тот раз была у меня большая озабоченность своей работой. Работала я в то время в РАО (Российской Академии образования). С некоторых пор меня стало смущать направление работы одного из подразделений РАО, которую я рекламировала, если назвать прямо род моей деятельности там. Я создавала телевизионные сюжеты о деятельности одного из подразделений РАО. Это подразделение тогда стало создавать новый предмет для преподавания в школе - так называемую валеологию. От слова vale - жизнь. Этим красивым словом прикрывалось сексуальное «просвещение» детей в общеобразовательных школах.

Помню лекцию на эту тему, которую вел приглашенный лектор - экстрасенс (!). Человек, производивший впечатление давно не мывшегося, в мятой и нечистой одежде, брызгая слюной, с наслаждением рассказывал «про это» с кафедры под смехи из зала. Это были лекции для социальных педагогов на курсах повышения квалификации (!)

В этом подразделении РАО было какое-то еще новое направление – социальная педагогика. Что скрывалось под этим словом и сейчас мне до конца не понятно. Но настораживала такая функция социального работника – собирание сведений о жителях дома, для того, чтобы направлять их жизнь. Куда? К светлomu, доброму.

Спасибо, мы уже строили прекрасное будущее, которое для многих и многих обернулось концлагерями.

Как водится, ученые РАО, в т.ч. руководители этого направления, получали гранты. От Сороса. Это сейчас мы знаем, кто такой Сорос, и что такое – гранты от Сороса.

А тогда «Гранты от Сороса» звучало как-то романтично и привлекательно, но все-таки, все это вместе взятое меня настораживало. В то время я была в состоянии восторженного неофита, ожидавшего на следующей неделе пришествия антихриста. И эти направления работы РАО казались мне подготовкой этого пришествия. Со всеми этими недоумениями я поехала к архимандриту Кириллу.

Приема я ожидала с 6 утра до 6 вечера, не отходя ни на минуту буквально, даже в туалет.

Причем, был еще один примечательный случай – к середине дня я начала мысленно роптать, что вот мы стоим тут все голодные, что же, такому старцу все равно? В ответ на эти мысли открылась дверь и принесли нарезанный белый батон и простой водички.

Конечно, избалованные москвичи, к которым принадлежала и я, были не очень довольны меню. Но как ни странно, все наелись, и было вкусно. В числе последних я попала к отцу Кириллу.

О незабываемое общение! Столько отеческой любви, понимания, я, наверно, больше никогда не сподоблюсь. Как ни странно, на мои недоумения был получен решительный ответ: «Уходи!» (с работы). И о. Кирилл мне предложил даже обратиться к настоятелю Патриаршего подворья в Переделкино с благословением от него о предоставлении мне работы бухгалтером. То, что я изучала этот предмет в первом институте лет эдак 15 назад, ни его, ни меня не смутило. И, как ни странно, я послушалась отца Кирилла.

Уйдя с работы, по интеллигентской привычке виляя и труся перед вельми удивленным моим поступком начальством, я поспешила в Переделкино. Ко мне вышел представительный монах – игумен. Полюбовавшись клобуком и мантией игумена, я сказала о благословении отца Кирилла. Но вместо того, чтобы показать мне место работы, игумен спросил, кто я по специальности.

«Режиссер телевидения», - гордо ответила я. «У нас уже есть один режиссер», - устало сказал игумен. «Он сторожем работает».

Сказав, что мне позвонят, игумен удалился.

У меня хватило ума понять, что мне никто никогда по этому поводу не позвонит.

Дело принимало интересный оборот. Время было перестроечное, режиссеров было как собак нерезаных.

С работой в Отечестве и стольном граде было плохо, а надо было кормить себя и сына, и платить за кооперативную квартиру. Мягко говоря, озадаченная, вернулась я в свою недоплаченную квартиру.

Но не успела я впасть в уныние, как мне уже позвонила моя приятельница из тогда еще Ленинской библиотеки и предложила! Работу! Со свободным графиком! Прилично оплачиваемую. На непонятную должность, как теперь сказали бы - «пиарить». Но по их градации должность тянула на старшего научного сотрудника, и это было что-то из ряда вон выходящее – взять «с улицы» на такую должность человека «без степени».

Имеется в виду, что на этих должностях «сидели» кандидаты хоть каких-нибудь наук.

Вот что такое благословение отца Кирилла.

И вот, как я уже сказала, очередное крушение на жизненном пути.

Хорошо, когда есть куда идти. И я поспешила к воротам приснопамятного

Патриаршего подворья. Подав доброму охраннику письмо, я дождалась ответа.

Вернее, мне передали слова отца Кирилла: «Ее надо принять».

Я тут же возгордилась – и чем же – размерами своего несчастья! Жалкий человек, когда гордиться уже совершенно нечем, гордится несчастьями. Что-то там, в небе, захлопнулось, и никто меня к о. Кириллу так и не позвал.

Рядом со мной в таком же положении оказалась девушка - старушка. Почему девушка? Потому что по какой-то стыдливости, детскости, хрупкости это было юное существо лет не больше 16. А по внешности – плаще непонятного цвета, цветастом платке, маленьком личике с морщинами – это была старушка. Она не теряла благого расположения души.

И когда стало ясно, что нам «светит» только уличный фонарь, да и то тускло, девушка-старушка сказала: «Хоть одним воздушком с Батюшкой подышали».

И мы мирно пошли на электричку. В электричке она прикорнула у окошка, а рука ее, спрятавшись в рукав, все-таки перебирала четки. У метро мы расстались.

Следующий раз мы встретились в храме недалеко от моего дома. Оказалось, мы живем по московским меркам недалеко друг от друга. Так вошел в мою жизнь дорогой мне человек.

Девушка-старушка

Из уст ее речь лилась прихотливым шелестящим ручейком, обычная логика была ей совершенно чужда. Она полетом мысли свободно перемещалась во времени и в пространстве, обозначая целое духовное явление иногда одним словом. Иногда я утомлялась следить за поворотами ее быстрой речи, но все равно встречи наши были радостными, потому что мы полюбили друг друга. Звучит немножко дико, этот оборот речи «взял в оборот» язык любовных романов.

Любовь все реже связывает людей и даже русских, которых, несомненно, Бог наградил более любвеобильной душой, чем какой бы то ни было другой народ.

Она так рада была моим звонкам, что даже моя очерстневшая душа не могла не откликнуться. «Татулечка! Ты уезжала? Без тебя Москва была пустая!» - согласитесь, такие слова мы редко слышим в жизни. И дело было не во мне, а в ее любвеобильной детской душе.

Причем, не я ей, а она была мне необходима, как выяснилось позже.

Я навещала ее. Ее квартирка была местом замечательно чистым и тихим. В ней стояла какая-то тишина, может быть чуть ниже рангом, чем тишина пустого храма. За окном как-то особенно мирно ворковали голуби. В комнате и на кухне было много икон. Иконы в ризах, письма хорошего и посредственного, соседствовали с простенькими бумажными иконами, ничуть не менее почитаемыми, чем те, «настоящие».

Еще бы, иконки были подарены преп. Кукшей, архимандритом Серафимом (Романцовым), ныне прославленном в лике Глинских святых; отцом Кириллом (Павловым), схиигуменом Саввой (Остапенко), архимандритом Иоанном (Крестьянкиным), архимандритом Тихоном (Агриковым) и другими. Эти имена хорошо знакомы православному читателю. Кроме икон в квартирке не было ничего примечательного.

Ела она как птичка, холодильник был отключен почему-то.

«Почему?», спросила я.

«Да что в нем хранить», - был ответ. «Ничего не хочется».

Ее мучили многочисленные болезни, как и всех теперь, но одна – малокровие, лишила ее аппетита.

Таким образом эта душа была лишена почти всех плотских наслаждений.

Из-за очень трудной и голодной жизни Анна к тому же просто «не раскормила» желудок, как почти все современные люди.

Но к качеству пищи она была очень придирчива. Думаю, что эта разборчивость диктовалась многочисленными болезнями пожилого человека, хотя она жаловалась мне, что это ее постоянный грех, с юности. И что ее родные сестры называли «лизоблюдка». Позже, когда у меня был

период отсутствия аппетита, я поняла ее «капризы». Когда нет аппетита, то очень трудно подобрать то, что ты можешь съесть.

Но иногда в ее высказываниях были признания, что она с юности постилась, не разрешая себе и того, и этого (даже арбуза!). И сетования, что она никого не спрашивала, правильно ли она поступает. Она называла себя «худым поросенком», который копается в пище. Рядом с ней я чувствовала себя мамой этого поросенка, а попросту – свиньей, которая ест много и неразборчиво. Мать Анна, правда, снисходительно называла меня своим поросенком, и сбавляла мне все, что не могла съесть. Кормить меня ей доставляло удовольствие.

В начале нашего знакомства был интересный случай. Я решила угостить «бедную старушку» и купила красной рыбы (то, что в магазине называется семгой), в нарезке. И принесла, ожидая, ну, если не восторгов, то благодарности по гроб жизни. Каково было мое удивление, когда моя Анна продемонстрировала незаурядные познания в рыбных деликатесах, и выяснилось, что ей подходит только кета холодного копчения, причем только куском, потому что она «как колбаса». Только потом я поняла, что это было нужно еще и для удаления от меня не замечаемых мною помыслов гордости, из которых мы иногда «благодотворим».

Вслушиваясь в журчание ее речи, я поняла, что в ее жизни были встречи и продолжительные отношения с духоносными старцами – схииерархимандритом Серафимом (Романцовым) – старцем Глинской пустыни, ныне прославленным в лике святых, с отцом Иосифом, в схиме Амфилохием, ныне прославленным в лике Почаевских святых. Схиигуменом Саввой (Остапенко), схииерархимандритом Пантелеимоном (архимандритом Тихоном (Агриковым)), архимандритом Иоанном (Крестьянкиным), архимандритом Кириллом (Павловым) и многими, многими из «столпов» Православия 50х – 90 х годов прошлого века. Она рассказала и о встрече с прп. Кукшей Одесским ее ныне покойной родной сестры Варвары. Попробую рассказать все по порядку.

Детство и юность мать Анны Шкуркиной.

Родилась Анна в 1928 году в деревне Бересток под Севском. Севск - старинный и богомольный городок в Брянской области. До революции в нем было три монастыря и много церквей. Семья Шкуркиных была крестьянская, детей было много. Анна начинала считать, загибала пальцы, сбивалась, в конце концов вышло десять: семь сестер и три брата.

Семья была верующая, но не в нашем теперешнем понимании. В Бога верили, в церковь ходили.

Анна рассказывала о быте крестьянской семьи. Вот Вознесение – мать печет «лествицу» - лестница, как бы образ «лестницы в небо». Это такой пирог, на верхней корочки сделаны как бы ступеньки, а внутри – картошка «с коноплей» (видимо, конопляным маслом). И хоть он сделан из ржаной муки пополам с пшеничной, но вкусно! Съешь такой один и на весь день сыт. Не было йогуртов и гамбургеров, но было все свое, и было сытно и вкусно, когда было что есть.

Чаще всего было голодно. Анна плачет: «Мама, я есть хочу!»
«Да что я тебе дам, нечего мне тебе дать».
Иногда мать брала маленькую Нюшу с собой, когда ее просили соседи приглядеть за хлебами, выпекавшимися в печи. Мать откликнулась на просьбу, хлебы вынет, себе ничего не возьмет, но потом стащит яблок с дерева своим голодным детям.

Маленькая Нюша страдала, глядя как мать набивала карманы чужими яблоками, но ела их – голод не тетка.

Тем не менее, посты и постные дни соблюдали строго. Одной работой можно было заниматься в постный день, а другой – нельзя. Например, в пятницу убирали прялку – работать нельзя : «Божья Матерь будет кашлять» (от пыли).

В воскресенье никогда не работали, крестились, молились. Но дети ходили без нательных крестов.

Мама ходила причащаться, а детей не причащали.

Я спросила : «Почему так?»

«А они неграмотные», - был ответ.

Дети ругались и дрались между собой. Отец бивал детей кнутом. И Анну тоже.

«За что?», - спросила я.

«А я была шкодливая, отец просит замолчать, а я нарочно начну плясать и петь: Та-ра-ра-рай-та! Ну, отец и бил кнутом. Однажды так побил, что было больно спать».

Тут Анна огорчилась и сказала: «Детей нельзя бить. Вот я работала у евреев, они детей не бьют, а дети у них послушные».

«Матка» не давала бить детей, свои руки подставляла.

Мать звали Мария, она была смиренная, на всякие неприятные жизненные ситуации, бывало, скажет: « Каковы сами, таковы и сани» .
Еще: «Девки, не бойтесь недоспать, а бойтесь переспать. Сколько людей проспали Царство Небесное». Или: «Живем, живем, а на Суд с чем пойдём?». И еще: «Сколько не живи, а Туда надо собираться». Сейчас редко от кого такое услышишь.

Родители ее в колхоз не пошли, остались единоличниками. Это был подвиг в то время, таких почти не было.

« Они были особо верующие, радио не слушали, в колхоз не пошли. Может быть, и неправильно», - теперь думает Анна. «Они неграмотные были, слушали, что всякие странники и странницы скажут.»

Брат Степан пришел однажды домой весь помятый – активисты устроили ему «кучу малу» - т.е. навалились на него несколько человек. Он лежал в сенцах, и от боли и огорчения стал роптать: «Господи, как мне тяжело, хоть бы мне лечь и не встать».

И вдруг явились к нему страшные какие-то, с красными глазами, стали «пулять» в него углями, тянули его к себе: «Ты наш, ты наш». Он взмолился св. пророку Илие изо всех сил, прося избавить его от бесовского нападения. Загремел гром, явился, как бы весь в огне, св. пророк Илия и сказал: «Я не по этой части, надо звать великомученика Пантелеимона». Но при его появлении вся нечистая сила исчезла, и Степан исцелился от болезни. Все это он, прибежав в горницу, рассказал матери. А маленькая Нюша сидела на печи, все слышала и запомнила на всю жизнь.

Власти Шкуркиным назначили непосильный налог. За то, что им нечем было заплатить, свели две коровы со двора, даже гусей и кур переловили. Усердствовал в разорении их хозяйства близкий родственник.

Когда пришли, мать тихонько сказала Анне: «Полезай на печку и заслони самовар». «Анна сидела на печке и кричала: «Дяденьки, не надо, что мы кушать будем!» Но «дяденьки» ее не слушали.

Когда уводили корову со двора, мать сказала детям: «Дети! Пойте песенку!». И спела тут же сочиненную частушку - не частушку, а горький вопль материнской души: «Ох, советская власть, до чего ты довела! И последнюю корову у детишек отняла!»

За коровой побежала старшая дочь Шкуркиных, Анастасия, и пыталась от отчаяния корову отнять. Так ей один из «активистов» (ее же жених Ромка) руки переломал.

Никто из «активистов» не вернулся с войны.

Еще картина: гонят мимо дома Шкуркиных колхозное стадо, а коровы вспомнят своих хозяев. Подойдут к калитке :»Му!МУУУ!» Им, коровам, не понятен политический момент, они домой хотят.

Соседи скажут: «Марья, да подои ты их». «Не»,- скажет мать. «Не наше – не надо».

«Евламп Трофимыч, почему налог не платите?» - спрашивали в сельсовете отца многодетной семьи Шкуркиных.

Отец молчал. Нечем.

Он работал: кому крышу покроет, или свинью забьет. А плату не назначал – сколько дадут.

Вот и еды у семьи на один день.

Мать скажет: «Батько, оставь что-нибудь на завтра.» А отец: «Будет день и будет пища.»

Тогда мать встает на колени, поднимает руки к небу : «Жив Господь и жива душа моя!» - так она молилась. И Господь не посрамлял верных рабов Своих. Глядишь, отец несет что-нибудь съестное.

От налога отец посылал мать отговариваться в сельсовет. Она была побойчей, глядишь, и отстали. Но говорили этой святой чете: « В колхоз не пойдете, так отца посадим». А матери: «Тебя в блин уьем».

Церковь в селе разорили, один «активист» топором иконы разрубал, на престоле плясал. А тут война. Этот «активист» с войны не пришел. Перед войной много людей сажали в тюрьму, даже за украденную катушку ниток. И отца посадили в тюрьму в Севске за неуплату налога. Мать кидалась на колени перед иконами, кричала : «Жив Господь и жива душа моя! Господи, вынеси отца из тюрьмы, пусть хоть помрет, но дома. Я буду знать, где лежит». Господь услышал ее молитву. Перед самой войной пришел отец из тюрьмы по амнистии.

Пришел совсем больной, ослабевший от недоедания. В тюрьме его пайку часто съедал сосед, более шустрый. Отец привык перед едой неспешно креститься, молиться, а там нельзя было. Он только под одеялом мог перекреститься. Вот он пока собирается поесть, сосед уже все и съест. Недолго отец пожил после тюрьмы, в начале войны простудился, пересиживая бомбежку в землянке, и помер.

Еще Анна помнит, как она, 10-я дочь, во время войны «зарывала» в землю своих сестер – сделала как бы окопчик и накрыла всем, чем можно, чтобы не понятно было, что там кто-то прячется. Пули так и сыпались вокруг – но ни одна не задела. Она и сама успела спрятаться и услышала, как сверху грохочут сапоги немецких солдат. Пронесло.

На глазах у Анны подорвался на mine брат, скрывавшийся от угона в Германию. Тело собирали по кусочкам. Мать плакала, кричала : «Господи, забери меня к Себе!»

Этот брат все хотел жениться, но мать не давала, все говорила: «Не дружи с этой, погоди, ради Бога!». Брат ее слушался. (Это для нашего времени непостижимо). И с этой – «погоди», и с другой - «погоди». Пока не погиб. А потом явился Анне во сне, с четочками, радостный. «Так ты разве монах?», - спросила Анна во сне, имея в виду четочки. «А все, кто девство сохранил ради Бога – монахи», - сказал брат.

«Ему Там хорошо», - считает Анна. «Он ведь мученик».

Но были и земные радости - нашелся брат, которого забрали в плен, подал весточку из Москвы. Мать радовалась, говорила: «Дети! Целуйте землю, ваш братик нашелся! Теперь я могу и помереть. Младшие уже большие.»

Во время войны умерла мать. Перед смертью она говорила детям – тебя оставляю на эту сестру, тебя – на брата, а Анне сказала : «А тебя оставляю на Святую Троицу!».

Мать умирала смертью праведницы. Легла на постель, взяла свечку в руки, сказала: «Дети! Читайте «Верую!» Анна закричала: «Господи! Оставь маму на три дня, я хоть заплачусь!» И странное дело, мама еще пожила три дня. Но жаловалась, бедная, что ей тяжело, что дышит «чужим воздушкой». А через три дня отошла ко Господу со свечкой в руках, под чтение «Верую!».

Анна была с детства больная, малокровная, «урода», как она сама себя называла.

Физической работы делать не могла, конечно, за это на нее сыпались с детства и всю жизнь упреки. «Няня» (старшая сестра Анастасия) была Анну.

Девочка бегала на могилку матери, жаловалась ей: «Мама, зачем ты меня родила на такую жизнь!» И плакала, заливая слезами могилу, она очень тосковала без матери.

Однажды во сне мать явилась Анне и строго сказала, чтобы дочь перестала ныть и упрекать за то, что она дала ей жизнь. «Когда вы поете «Святой Боже...» - нам хорошо, у нас свидание. А когда вы плачете, убиваетесь, нам плохо, не знаю, куда деваться». И все как рукой сняло у Анны. Тоска пропала.

Горькие сироты не пропали в пекле войны, как «отроки благочестивые в печи». Дядька, родственник по матери, который в былое время раскулачивал семью Шкуркиных, вдруг стал подкармливать сирот. «Мать», - говорил он жене, «Дай этой хлебушка». «Эта», Анна, была самая слабая, самая худая.

Анна говорила, что немцев уже погнали, а в их деревне и в соседней, Пушкино, немцы все еще держались. Бомбили до самого 1945 года. Все дома в деревне были разрушены, люди жили в погребах и подвалах. Ели что ни попадя. Анна помнит вкус курочки, сгоревшей в огне при бомбежке. Ели горелое мясо без хлеба, без соли.

Из кирпичей от разрушенных домов складывали на дворе печечку и варили еду себе. После войны они были последние, кому в деревне построили хатку, а так жили в землянке. 7 лет.

Придет председатель колхоза, заорет: «Анна! Не выйдешь на работу, я вашу землянку завалю!» Анна была звеньевая. Ну что, идет на работу. Звеньевая – начальница над звеном – над несколькими такими же девушками. Она задаст им работу, и сама вкалывает, а работа тяжелая, непосильная для девушек.

Сироты ели хлеб из вики. Была частушка такая: «Чечевика с викою, а я сiju, чирикаю». Так вот, вика – растение, каким раньше скотину кормили. Из нее хлеб получался весь крошками белыми, но ничего, ели, да еще с соломою.

Семь лет Анна проработала в колхозе на тяжелых работах. Рассказывала: заболеешь, поболеешь три дня, потом явка к врачу, врач спросит: «Как чувствуешь?»

- «Вроде полегче».

Ну и выписывает на работу. А болезнь-то не прошла. Работа тяжелая. Откроют бурт с картошкой (это яма такая для хранения) по весне. Надо прыгать туда и выгребать. А там холодно и сыро, а девушка после болезни. Так Анна заработала хронический бронхит.

Жили сестры не мирно, Анну почему-то обзывали: «У, монаша надутая!»

«Няня» - старшая сестра, после смерти матери ставшая главой семьи, во время голода отправила Анну побираться «на Запад» - в Западную Украину. А там ...

Один собаку спустил. Анна упала без сознания, собака не тронула. Тетка Улита, с которой познакомилась Анна на этом «промысле», кричала на нее: «Держись за меня, собачья дочь! А то пропадешь!» И правда, не дала пропасть, она ловкая была, хлеб на что-то меняла, потом что-то на хлеб, получалось больше. Ехали в товарняке, «на приступочках». Если бы не тетка Улита, Анна выпала бы из поезда.

После войны одна из старших сестер вышла замуж в Севск, и Анна с подругой ходила пешком в городскую церковь причащаться. По пути останавливались у верующей семьи. Они были так рады верующим девочкам.

Характер у «няни» был тяжелый, она была «бесноватая», так Анна называет всех людей, подверженных сильным страстям. «Няня» гневалась на младших, кричала: «Не буду ткать!» А носили все дети все домотканное.

«Вы не работаете! Брошу вас, надоели!»

Видно, крест ее был тяжел. Она даже ездила в Глинскую пустынь к старцу Серафиму. Потом рассказывала, что жаловалась прп. Серафиму (Романцову), говорила: «Больше не могу, брошу я их!» Он не разрешил, сказал: «Терпи, терпи и терпи. Не бросай сирот». И надел на нее несколько крестов. Она вернулась утихшая. И говорила Анне: «Вот вырастешь, Нюша, отвезу я тебя к старцу, он «столпничок», он тебе скажет твой путь.» «Столпничком» она называла его потому, что прп Серафим (Романцов) жил в «столпе» - монастырской башне.

Анна ничего не поняла, кто такой «старец», и что за «путь».

Книг они не читали никаких, только что в школе. Но она запомнила эту заповедь старшей сестры и, уже в Москве, «гуляя» с парнями она боялась допустить чего-нибудь, какую-нибудь вольность. Ее останавливала мысль: «А что я скажу старцу!»

В селе жили монахини из разогнанных севских монастырей. Они любили Анну, рады были ее приходу. Угощали чаем с хлебом. Ходили в церковь,

ее звали с собой. Помнит она их, таких сухих, черные юбки ходуном ходили, идут все вместе, ветер подул, они как трава склонялись, того, глядишь, и сдует. Идут, говорят между собой: «Не пропустить бы «дробненькое». Так они называли «часы» - часть православного богослужения.

В 1949 году приехал вербовщик и «завербовал» Анну в Любань на лесоразработки. Это получилось потому, что Анна была «дикая», не умела отказывать, да и жизнь была такая,

что воспитывала в людях рабскую покорность, а то загремишь «куда Макар телят не гонял».

В Любани работа была опять непосильная, и девушкам, промокавшим под частыми дождями, негде было и одежду просушить. И вот Анна набралась смелости и попросилась в другой барак просушить одежду всей бригады. Девушки потом говорили, что она их от смерти спасла.

Однажды возчик, который вез на телеге бригаду, опрокинул телегу и ехавшие сильно пострадали – кто-то даже спину переломал, а Анна переломала обе руки. Тут уж она уехала домой, и там так плакала перед почерневшей иконой Божией Матери «Обрадованная», что она обновилась и стала как новая. А во сне явилась к Анне Женщина, вся в белом, такая милая и сказала: «Не скорби! Будешь Моих детей растить!»

В это время Анна стала задумываться о вере. Она и раньше причащалась, молилась, но это было поверхностное, не трогало глубин ее души.

«Верую!»

Как-то Анна заболела и осталась дома. Она стала читать книгу о св.вмч. Пантелеимоне Целителе, и вот, посмотрев на его икону и вспомнив его мученический подвиг, у Анны внутри родился вопрос, что же это такое было у мучеников – вера, почему за нее так страдали. Откуда-то пришел ответ, что вера и сейчас есть, и что - и отец, и мать Анны так страдали именно за Православную веру. И в один момент вера ей открылась, и изменилось все кругом – и земля, и небо стали другие. Это трудно описать словами. Дальше последовали события, которые показали, что вера и страдание неразрывны. Сразу после этого неопишуемого переворота на нее накинута старшая сестра: «Иди работать!»

- «Да у меня температура!»

- «Ишь, монашка! Тебе бы только не работать! Сейчас рубаху сниму, ходи голая.» А все дети носили рубахи ее работы.

Не успел окончиться этот разговор, прибежал бригадир, Петька-пижон:

- Иди на работу!

- Да я больна.

- Я тебе дам – больна, хочешь наследницей быть твоих родителей - вредителей!

И толкнул Анну так, что она ударилась сильно об косяк. Но ей было не больно. « Вот так и мученикам, во время их страданий было не больно», - подумала Анна.

У нее была маленькая обгоревшая иконка двух преподобных, скорее всего - прп Сергия и Никона Радонежских, она взмолилась перед этой иконой – и тут же исцелилась. То есть не только температура прошла, но и почувствовала себя здоровой. И пошла на работу.

Икона прп Сергия и Никона Радонежских

Там, в деревне, Анна искала верующих людей и напоролась на «волка в овечьей шкуре». В деревне был дед «духовный». Анна попала в общество молодых девушек и женщин, окружавших этого страшного человека. Он оказался колдун.

О том, что Анна попала в его окружение, она потом скорбела всю жизнь, извиняя себя только тем, что «я тогда не знала Евангелия».

Анна работала в колхозе. Обрабатывает грядку, посмотрит: а другие девушки уже на другом конце поля. Она даже плакала о том, что сил нет.

Девушки не бросали, помогут, но долго так не могло продолжаться. Анна просила, молилась, чтобы как-то ситуация разрешилась.

В Москву, в Москву!

Варя, которая была младше Анны, устроилась в Москве кондуктором и забрала ее в Москву.

В Москву Анна приехала под Рождество 1951 года. В Москве Анна устроилась в няньки и работала в няньках до 1959 года. Она до сих пор любит «малюсеньких».

Хозяева относились неплохо, потому что Анна детей любила, хоть и толку с переломанными руками по хозяйству от нее было не много.

Семья была еврейская, досыта прислугу не кормили. Положат, бывало ложку вермишели и все. Особенно тяжело было постами. Хозяева даже подсолнечного масла не давали. Анне все время хотелось есть. Она однажды возмутилась и сказала, что уедет в деревню, а там «хоть гнилых картох, да досыта наестся». К тому времени Мира Менделеевна, мать семейства, любившая экономить, переехала, и младшие хозяева стали прислугу получше кормить.

«Я, бывало, девочку на ночь перекрещу, пожелаю ей Ангела Хранителя, и ухожу в свою комнату,» - вспоминает Анна »

А девочка спрашивает :«Няня, ты куда?»

- «Заниматься, у меня экзамен скоро»,- отвечаю. (Это значит - молиться).

Девочка Анну любила, говорила «А я знаю, кого ты любишь. Ты любишь вот Этого, Который на Кресте висит».

Родители шумели: «Анна, не приобщайте ребенка к христианству».

- А я перемолчу, но свое делаю.

Девочка любила «сухарики» - просфоры, которые давала ей Анна.

Какое горе было у дитя, когда Анну таки выгнали. Девочка плакала, бежала за ней, кричала: «Ну обернись, я на тебя еще разок посмотрю».

Анна потом навещала свою воспитанницу, чтобы та не огорчалась.

Родители при Анне говорили девочке, да кто она тебе, она не родная. Но духовник Анны запретил ей с девочкой встречаться – «только ко Господу, только ко Господу!»

Работала она и у других, но везде было так: как воскресенье - девайся куда хочешь.

Она и приходила в общежитие, где жила Варвара. Варя ей показывала кандидатов в женихи.

Если Анне не нравился жених, она вставала и выходила из комнаты, такой был у них уговор, это значило - гони его от себя. Она все время и выходила.

И так спасала сестру от неправильного шага. Варя хотела замуж, «А тебя»,- говорила она сестре,- «возьму в прислуги.»

В то время Анна ездила в Одессу вместе с семьей, у которой была в прислугах.

Был пост, Анна постилась, постной пищи не было, и не могло быть на столе у хозяев. Анна все время хотела есть. Однажды она чуть не утонула, потому что, заплыв подальше, почувствовала, что силы ее оставили.

Взмолившись, она доплыла до берега и долго лежала без сил на берегу.

Ей приснилась мама сказала: «Ешь все, что дают. Чужая трапеза слезами облита. А перед причастием один день попостись.»

Еще сказала: «Пусть Варя не выходит ни за учителя, (тогда учитель за ней ухаживал), ни за героя. Нюша, и ты не выходи за этого (у Анны жених был), это не твоя телогрейка. Вот он, Страшный Суд, все готово! Как пред Господом предстанете? Будьте чистенькими, замуж не благословляю!»

Скрипнула дверь, и она ушла. Анна проснулась вся в слезах. И стала думать, что это такое – «трапеза»? Таких слов она не знала.

Анна была верующая, но пока «и нашим, и вашим».

Анна скучала без общения с единомысленными и взмолилась ко Господу, чтобы послал ей благочестивых подруг. В ответ на ее молитву Господь уже в Москве непостижимым образом указал ей на двух девушек, которые последние прикладывались к иконе на помазании на всенощной в храме.

Мария и Зинаида были настоящие христианки, «воцерковленные», как бы мы теперь сказали. Они Анну учили и собственным примером, и указывали ей: «Что это ты, после шестопсалмия сразу ушла. К кому бегаешь?»

Надо дождаться конца службы. И вообще, что это за человек у тебя, в храм не заходит. Ты бы посоветовалась со старцами, какой у тебя путь?»

Откуда Анне было знать, какой путь. Девушки сказали, что Анна и не может знать, а знают старцы.

- Какие еще старцы?

- А Глинские, в Глинской пустыни.

«Так это рядом с нами», - изумилась Анна.

Приехав в отпуск в свою деревню, Анна пошла пешком в Глинскую пустынь. Это как от Москвы до Загорска, 80 километров. Шли три дня, ночевали у верующих. Ей было лет 27, т.е. это было примерно в году пятьдесят втором.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Сначала она попала к схимнику Макарию (Шарову), ныне прп Макарий Глинский. (Прославлен в 2008 г. в лике Глинских святых).

Старцы неросхимонах Макарий (Еременко) и схиархимандрит
Серафим (Романцов)

Она вспоминала: «Подошла к отцу Макарию, вся трясусь от страха. Сидит в «кукушечке» (схимнический аналав – наглавник), не глядит, а все знает: «Какой путь, какой путь – только одинокий. Ишь, замуж, а здоровье где? Вон руки больные».

И правда, руки были переломанные. Одинокий путь Анну не пугал, она боялась, что скажут – иди замуж, или в монастырь, потому что здоровья была слабого.

Церковь была в Глинской пустыни деревянная, «долгая, долгая, идут все не спеша». У солеи стоял аналой, а за аналоем стоял схиархимандрит Серафим (Романцов). Анна и не заметила как – а уже стоит у аналая и исповедуется.

Конечно, сначала была речь про плотские грехи. Анна книг тогда не читала, например, «В помощь кающимся», да тогда и не было их. Но совесть ей подсказывала, что обниматься, целоваться не хорошо. Старец слов «обниматься» не признавал. «А, он тебя осязал», - переводил он.

Позже схимница Харитина учила сестер Шкуркиных, чтобы они даже на исповеди, даже со старцами осторожно говорили, не соблазнительными словами.

Речь на этой исповеди была даже про болезнь ушей. Анна считала, что к врачам обращаться – грех. «Вот что, девка, как приедешь в Москву, сразу иди к врачу» - был ответ о. Серафима. И правда, врач вылечил болезнь.

На этой, первой в жизни Анны, исповеди установилась таинственная связь душ - духоносного старца, прп Серафима Глинского с его, верим, навеки, чадом - простенькой девушкой Анной. «Он меня родил для другой жизни», - говорила Анна. Наверно, для жизни духовной. Но в «чада» не брал, говорил: «Я никого не беру».

Дальше жизнь выдавала такие коленца, что удержаться всегда на нужном пути было не просто, а может быть даже и невозможно. Были другие

духовники и старцы, но старец Серафим (Романцов) был отцом и даже матерью в отношениях с Анной. И забыть эту любовь невозможно. Он звал ее на людях девочкой, а наедине – «девкой». Придут, бывало, бабы к о.Серафиму, а он: «Я вам не бабка-отгадка.» А Анне всё про всё скажет и даже про невысказанное: «Ты, девка, от этого парня беги, он волк, волк, он тебя с поезда сбросит.»

«С какого еще поезда»,- удивлялась про себя Анна.

Анна в то время «дружила» с парнем (в Москве), он ее любил сильно, это ох как льстит женскому сердцу.

Но потом парень ей признался, что после венчания он бы ее запер на замок и не пустил бы в церковь. А если бы она отказалась выйти замуж, то сбросил бы с поезда.

Анна старческого совета не послушалась, пошла по приезде на свидание. И была наказана, да как! Напали вши.

Придет наниматься в няньки, а вошь на видное место и вылезет. «Да вы что, девушка, идите быстро отсюда»,- скажут. Потом прошло. И по молитвам старца «волк» отстал.

Преподобные глиньские старцы: иеросхимонах Серафим (Романцов), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш). 1950-е гг.

Анна не один раз приезжала в Глинскую пустынь, так и ездила до ее закрытия.

Батюшку Анна не боялась, он идет по церкви, или монастырю, а она к нему бежит. О.Серафим остановится, один раз взглянет, а больше не глядит.

«Батюшка! Вот я в няньках работаю, а к вечеру у меня энергии уже нет, даже и есть не хочу.» (Ей очень нравилось слово «энергия»)

«Вот что, девка. Ты пораньше спать ложись, в десять часов. И пораньше вставай. А поздно не ходи. Тебя могут обидеть* и за это отвечать тебе перед Господом придется».

«А если я по указанию батюшки поздно задержусь?» (Это когда она уже в церкви работала). О.Серафим отвечал: «Тогда он и отвечает, тогда он и молится.»

«Му-удрый, родненький мой Батюшка!», с радостью вспоминает Анна своего старца.

И еще говорил: «Из деревни старшую сестру не бери. Не уживетесь все равно». И тут Батюшка был прав. Ольгу (старшую сестру) долго раздражало, что Анна верующая.

Однажды она до того взбесилась, что погналась за ней с палкой: «Прибью»,- кричала. «Ты все молишься, а у меня все пропадает». Анна остановилась и сказала: «Бей! А я в рай пойду». Тут Ольга заплакала и призналась: «Если бы ты дальше бежала, я бы тебя догнала и , боюсь, убила бы».

Потом и Ольга пришла к Богу и даже мяса не ела, даже «понеделничала» (постилась в понедельник) и умерла тихой православной кончиной.

Анна говорила, что сестры за ней пошли, стали веровать. А младшая, Варя, потом вместе с Анной в церкви работала и очень тянулась за сестрой, любила ее. Но потом стала враждовать с ней.

Про младшую, Варю, Батюшка (ныне прп Серафим (Романцов) сказал: «Не ходи к ней жить, живи отдельно, хоть снимай. А то она тебя перед смертью выгонит».

Через 47 лет до Анны дошло, что Батюшка предсказал таким образом, что Варя, хоть и младшая, умрет раньше.

Еще она помнит в Глинской пустыни регента о.Иллариона, он еще за свечным ящиком стоял.

Когда Анна в первый раз приехала, он ей сказал: «Ты что какая худая, а отец духовный у тебя есть?» Он считал, что отец духовный должен и чадо свое подкормить.

Вспоминая Глинскую пустынь Анна говорит: «Это был океан молитв и старчества!»

Но не обходилось без искушений.

*«Обидеть», это насильно вовлечь в плотскую связь, теперь такой терминологии нет, к сожалению.

Один раз Анна в Глинскую пустынь приехала не одна, с подругой Надей. «Надя великая, красивая, полненькая, руки в «перевязочках» как у младенца.»

У обеих девушек возникло «пристрастие» к молодым монахам.

Пристрастие – это еще не влюбленность, а, как бы, склонность к человеку.

То, что в миру прошло бы незамеченным, в монастыре есть преступление, «переступание» через строгие рамки монастырских отношений.

Это, конечно, заметил о. Серафим. И прекратил неожиданным образом.

При встрече с Надей, он сказал ей, чтобы она уезжала в Рижский монастырь: «Скажешь, что тебя прислал о. Серафим, а хочешь, напишу?»

Путь Нади сразу свернул от опасности. Она послушалась и до сих пор там.

А Анне сказал: «Лучше бы ты не приезжала!» Это было, хоть и заслуженным, но очень сильным ударом. Анна затрепетала. Глинская юродивая, мать Марфа, сняла остроту момента, сказав, идя мимо и не глядя: «А девки все так страдают от помыслов. Читай «Верую!»

Анна послушалась – и помогло!

Та же мать Марфа однажды, когда на Анну напало уныние, вдруг, проходя мимо, сказала: «Райское яблочко катилось, катилось. И к евреям закатилось». Анну тогда поддержало то, что она – «Райское яблочко», а потом только она поняла, что это про ее работу у евреев.

М. Марфа поражала всех неожиданными поступками.

Однажды явилась в храм, а у нее на руке висит штук 20, не меньше, четок, сделанных из белой пеньки. И где она их только взяла! Стала раздавать их монахам.

Или: вдруг ни с того, ни с сего – колокольный звон поплыл над Глинской пустыней. Это мать Марфа звонит в колокол. Сбежались монахи: «Мать Марфа, ты чего?!»

Она ничего не сказала.

А дело шло к закрытию.

Отец Серафим гнал паломников: «Езжайте, езжайте домой, из-за вас нас закроют!» А про Анну говорил, что эта девочка – «Загорская», пусть останется, она смиренная, ей немного нужно. И правда, Анна спала прямо на кирпичках. Ей немного было нужно – ей было нужно богослужение, а есть она могла один хлеб.

Удивительно то, что у Анны появилось прозвище – «Загорская», ведь Анна еще ни разу не была в Загорске (так тогда назывался Сергиев Посад). И побывала там несколько лет спустя.

А тогда, в Глинской, она заревновала, что Надю отправляют в монастырь «А я, а мне?»

«А ты поездишь по монастырям, полюбопытствуешь», – был ответ.

Сейчас Анна, старушка, перечисляет: «Была в Золотоноше, в Густынском, в Рижской пустыни, Костроме. И нигде не задержалась. Везде нужны работницы, а я, если не посплю, то не человек. Слабая, малокровная, в одном монастыре нас с Варей звали – «мертвые души», и попрекали, что не работаем, а едим».

Вот и вышло, что «полюбопытствовала»...

Только в Глинской пустыни находились такие люди, да и то один – схииархимандрит Андроник (Лукаш), который при копании картошки собирал картошку Анне в лукошко, чтобы ей не было стыдно перед всеми. Так ведь это великий старец, их по всей планете единицы.

О.Андроник (Лукаш), ныне прп.Андроник Глинский (прославлен в лике святых в 2009 г.) , окормлял паломников, а прп. Серафим (Романцов) – братию.

Анна, хоть и была «Серафимова», а подошла однажды к о.Андронику с просьбой сказать ей что-нибудь на пользу. Отец Андроник идет, голову поднял, глаза закрыл, молчит. На повторную просьбу откликнулся, показал руками: на глаза – замок, на уши - замок, на рот – замок, и спасешься!

«До сих пор нет замка!», - сокрушается Анна.

Анна и еще просилась у старца Серафима в монашки.

«Ишь, монашки в коротких рубашках», - услышала она от проходившей мимо и не глядевшей ни на кого матери Марфы.

А отец Серафим сказал: «А здоровье где? Ничего не сможешь исполнять и будешь унывать».

«А если постригут?»,- не унималась Анна.

«Ну, если постригут, то это не твоя воля».

Анна до самого закрытия ездила в Глинскую, была там раз пять. Как-то она была у старца в келье, «в столпе» - в монастырской башне, и стала разглядывать обстановку.

«Ага, кровать застелена просто одеялом, и я так буду», - решила Анна. А то у нее был деревенский идеал – кровать со многими подушками «с подзорами».

Старец встретил ее с кастрюлькой в руках: «Ты, девка, ешь кашу и пей простоквашку», - сказал он, облизывая ложку. Не кашу, а кашу. Это указание старца Анна запомнила, гораздо позже оно совпало с указаниями врача.

Сейчас, вспоминая это, ей кажется удивительным, где о.Серафим взял кастрюльку с кашей. Ведь монахи ели в трапезной, и Глинская пустынь славилась строгим выполнением устава.

Анна ездила в Глинскую много раз . Просилась в духовные чада к о.Серафиму.

– «Я духовных чад не беру», – был ответ.

- «А как же мне быть, я привыкла спрашивать» – волновалась Анна.

«А ты там покопайся, покопайся и найдешь».

Дорого обошлось Анне это «копание». Но об этом рассказ дальше.

«Святые отцы» Глинские не благословили Анне работать нянькой, - надо не людям работать, а Богу. Тем более, у евреев. Они Господа распинают! Но до того, как она пошла на работу в храм, прошло долгих 8 лет жизни в няньках. К этому периоду относится, видимо, и встреча Вари с прп Кукшей Одесским.

Встреча Вари с преподобным Кукшей (Одесским)

Как-то так получилось, что Варя с Анной потерялись. И Варя попала в Одессу, где в то время, недалеко от города, в монастыре жил будущий преподобный о.Кукша.

Варя пошла к о.Кукше, который славился среди православных своей прозорливостью (и мудростью!), чтобы что-нибудь узнать о сестре.

Простая девушка Варя сходу и спросила у старца, приезжала ли к нему Анна. И старец ответил, что приезжала. «И где она сейчас?», - спросила Варя. «Встретитесь, встретитесь», - сказал старец. И подарил Варе платок для Анны. Розовый.

Тут загадка на загадке, потому что Анна в Одессу приезжала (в качестве няньки служа в семье), а к о.Кукше не ходила.

Встретились они с Варей в Москве, и Варя передала Анне розовый платок от о. Кукши. Чем Анну ужасно огорчила. Дело в том, что Анна задумывалась о монашестве, а тут – розовый легкомысленный платок. Намек был понят и оплакан.

Понят, да не совсем. Анна и Варя позже приняли иночество. Анна в конце жизни стала монахиней. А тогда – не было, видно, воли Божией ей на монашество.

Одна отрада – храм.

Анна стала в Москве в выходные ходить в храм, где служил старенький протоиерей Константин Всехсвятский, который ее полюбил и даже приглашал к себе на дачу. О.Константину Анна рассказала про свою сестру Варю. А Варе рассказала про о. Константина, что хороший батюшка и прозорливый. Варе хотелось выйти замуж и выйти хорошо, она согласилась пойти к прозорливому батюшке, может, что скажет про замужество.

И состоялась встреча мудрого отца протоиерея с девушкой Варей на пороге храма.

Он увидел Варю вместе с Анной, догадался, что это ее сестра и подошел с лаской, приобнял и сказал: «Варенька, как хорошо, что ты пришла!» Варя была поражена «прозорливостью» о. Константина.

Благодать коснулась ее сердца и веселая девушка Варя, отбивавшая каблук на танцуйках, с плачем каялась в грехах, стоя на коленях перед о. Константином. Даже на полу было мокро, так она плакала.

Восстав от покаяния, она с мокрым лицом сказала Анне: «Дай 5 руб. займы, я дам батюшке.» Тогда это были большие деньги, Анна и получала-то рублей 40.

Так и начался путь обеих сестер к Богу. Немного позже, Аня и Варя в выходной ездили в Загорск, в Лавру.

Приезжали голодные – к Литургии надо ходить натошак. И стояли все три обедни. На третьей обедне видели молодого отца Кирилла (Павлова), он стоял на коленях. Сестры шептались: «Какой смиренный». Приехав из Загорска, шли к Варе в общежитие поесть заранее приготовленного супа, который стоял под кроватью (холодильников же не было), а он прокис. А на завтра – нудная служба у Вари, и многоскорбная жизнь в няньках – у Ани.

Но наступило такое время, как ее выгнали со всех няnek. Хорошо, что было где жить.

Она жила у тети Тани, с которой познакомилась в Глинской.

Тетя Таня за жильё с нее денег не брала, но ключ от дома не давала, слушала своих дочерей, которые ей говорили: «Дашь ей ключ, она замуж выйдет, и тебя выгонит.» Анна за восемьдесят лет своей жизни так и не вышла замуж, хоть и жила в миру.

Когда я с ней познакомилась, она меня удивила тем, что, при непостижимой для меня любви к людям, ужасно боялась «мужиков».

И говаривала: «Мне не нужны ни цари, ни герои, ни Патриарх, ни митрополит – а только Господь!»

Но Господь иногда промыслительно оставляет человека, так было и у Анны. Не было для нее в огромной Москве работы.

Она маленькая, худенькая, ничего не умеет, даже стирать.

«Почему стирать-то не умела?»,- спросила я с удивлением.

«Да что было стирать, - был ответ. «Ходили в одной рубахе и в лаптях».

Одна знакомая сказала, что в храме на Воробьевых горах нужны уборщицы. Анна стала плакать: «Матерь Божия, как же я буду в храме работать? Как же я порог храма переступлю?»

И снится Анне Матерь Божия. Проходит по храму и накинула Анне на плечи халатик черный без рукавов – как бы глухой, закрытый. И Анну взяли на работу в храм Живоначальной Троицы на Воробьевых горах уборщицей. Дали Анне и халатик.

А Варе Матерь Божия не дала во сне халатика, так Варе и наяву халатика никто не дал.

Анна через 60 лет задумалась – почему так?

И решила, это потому, что Варя лишнего не переработает, ей нужно уйти – уйдет, а Анна не так. «Я слабохарактерная, всегда, если нужно или если просят – то делаю не то, что хочу, а то, что надо». Видно, Матери Божией это угодно.

Почаев

Анна не всегда ездила в Глинскую (в отпуск), однажды она поехала в Почаев. Там «за ящиком» (т.е. за свечным ящиком – место, где продают свечи) стоял иеромонах Иосиф, ныне прославленный святой прп Амфилохий Почаевский (он позже принял схиму с именем Амфилохий).

Он был добрый-предобрый, а Анне сказал, что не надо уходить от евреев (где она жила в няньках).

«Сиди, как кошка в лукошке. А то пойдешь к своим, а они хуже чужих. Вот у нас монастырь, а в одной келье - газеты, а в другой - радио, везде «мир». Закроют монастырь и всех разгонят».

Его прозорливые слова скоро сбылись, монастырь разогнали. И самого старца выгнали, и он жил потом в селе. Анна про себя подумала с осуждением, что нет братского единения и в монахах. Тут старец спросил, одна ли она живет.

«С сестрой», – был ответ.

«А в мире ли вы живете?»

«Нет, ссоримся».

«Так вот и мы, монахи, по двое в одной келье, и не мирно. Такое время наступило»,- ответил на ее мысли старец.

Анну старец не забыл, потом, через много лет, через одну верующую москвичку Анне передали его слова: «Ще баба добрая, Господь ей даст отдельную квартиру.»

Через 40 лет исполнились эти слова святого старца. А тогда, в 50-х, могла ли Анна, прописанная «по лимиту», работавшая нянькой «у евреев», помыслить об отдельной квартире? Но совершилось все-таки и это «обыкновенное чудо».

А насчет «своих, которые хуже чужих» – так это про ее многотрудную работу потом в церкви.

Как известно, в церкви работать тяжело, много «искушений», и часто человеку особенно тяжело потому, что он ожидает сочувствия от окружающих.

А кто в церкви работает? Кого мир породил, тем и Бог наградил. Конечно, церковные люди – люди благочестивые, но в те времена особенно было тяжело, потому что в церкви работали «советские старосты», насаженные разными «уполномоченными».

Работа в храме

И стала Анна в храме уборщицей работать, в черном халатике, а Варя за «ящиком», без халатика, в своей одежде. Первый ее храм - во имя Пресвятой Троицы. Так сбылись слова матери, сказанные на смертном одре, что Анну она отдает под покров Пресвятой Троицы.

Проработали они около года, стали Анну и Варю гнать. «Уходите по-хорошему!». Потому что они вступались за гонимого настоятелем, по их разумению, батюшку. Пошли сестры Анна и Варвара вместе с певчими заступаться за батюшку в Патриархию, к митрополиту Пимену.

Митрополит послушал, послушал и говорит Анне: «А ты кто?»

- Уборщица .

« Тебе», - сказал он грозно,- «Тряпка и ведро! А судить батюшек мы сами будем!»

И сестры, и певчие ужасно испугались и убежали.

В храме после собрания, на котором они вступались за батюшку, их выгнали.

Куда идти?!

Анна плакала без работы. Не могла забыть храм.

Опять во сне явилась Мать Божия в каком-то храме. Ключи Анне показывает – где хочешь работать?

Анна взяла какой-то ключ из пречистых рук. Тут рядом оказался батюшка (потом в храме Анна его узнала), и говорит: «Нет, в алтарь тебе нельзя, туда женщин не пускают». И стала Анна в храме «У Трифона-мученика» (Храм иконы Знамени Божией Матери у Рижского метро) работать уборщицей, и в трапезной- помощницей, и Варю сюда перетащила.

Работали сестры много, оставались и на ночь. Работали-то много, но Анна была слабая, воды нальет, а тряпкой трудно повозить. Ей помогала одна раба Божия, схимонахиня.

В «Трифоновском» храме тогда много работало монашек, вернувшихся из заключения с самих Соловков. Иногда они рассказывали случаи из своей мученической жизни.

Вот рассказ одной из монашек:

Сидели они в тюрьме, сами были из «Казанской Головизны» (Казанский Головинский женский монастырь). И вот, одна из них в тюрьме узнала (календарей-то не было!), что сей день – день Богоявления.

Налила она в кружку воды, поставила на стол и стала читать молитвы про себя, какие помнила. И вдруг – вода в кружке заколыхалась (видимо, подражая Иордану, который в этот день «течет вспять» (в другую сторону)!

Господь рядом!

Монашки мало разговаривали, но много работали.

Анна удивляется, как сейчас в храме полы моют. Налиют воды, тряпкой повозят - и все. А уж они мыли - так мыли. Эту нудную технологию автор описывать не будет, все равно нет сейчас «монашек с Соловков», никто так больше мыть не умеет.

Эти монашки постились так: рыбу не ели, кроме великих праздников, чаю пили счетом.

Учили Анну: «Если идешь на раннюю – ешь, но не спи. Если идешь на позднюю – спи, но не ешь».

Схимница, любившая Анну, говорила: «Нюша, Нюша! Что ты какая натянутая (намекая на ее несколько фарисейскую «святость») Будь попроще, ты в миру живешь.

Я вот и косу отрезала, продала, когда было есть нечего. И с дитями «сидела», надо же на еду заработать. А я ведь схимница».

В «Трифоновском» храме работала Серафима (потом тайная монахиня Сергия).

К ней однажды приехал ее духовный отец, кажется, его звали о. Александр, откуда-то далеко, из Подмосковья (предположительно, схиеродиакон Александр (Жемков).

Такой худенький, седенький. К нему стали подходить под благословение служащие храма, а он благословение не дает! Анне Сима сказала, что он – старец, но благословения не дает, потому что иеродиакон.

Она, и еще его духовные чада, работавшие в этом храме, вставали перед ним на колени. Сима посоветовала спросить у него совета, как Анне быть.

У нее тогда было сложное положение. Анна работала в Москве уже несколько лет. Ее раньше прописывали люди, у которых она была в няньках, а тут вышло новое постановление и прописывать перестали.

Ей одна знакомая предложила расписаться с вдовцом для вида, жить у него и обслуживать его как прислуга. Анну все-таки смущало, как это она, девица, которая хочет монашеской жизни, будет жить в одной квартире с мужчиной? С этим вопросом Сима обратилась к старцу.

Он сразу сказал: «Куда это, сено – к огню.» А потом показал на одну работницу храма и сказал: «Вот она тебя пропишет».

Анне стало как-то сразу легко, к вдовцу она не пошла.

Действительно, эта работница Анну взяла с собой, они сходили к какому-то начальнику в ЖЭК, денег дали совсем немножко – 150 руб. И Анну прописали по лимиту и взяли дворником! Удивительно то, что в этот момент вообще по лимиту прописывать в Москве перестали, а ее все-таки прописали. Вот каковы старческие молитвы.

Еще старец при Анне рассказывал Симе, что ему снился страшный сон, как на него в лесу напали волки, и он не знал куда деться, хотели его

разорвать, а тут набежали откуда-то духовные дети и отбили старца. И просил молиться за него.

Сима с большим почтением относилась к своему старцу и спрашивала у него все-все, даже как часто мыться. Анна вспоминает: «Он был такой чистенький-чистенький и дотрагиваться до себя не давал, вел себя строго, как и полагается монаху». Позже Серафима приняла тайно монашество. Вообще в храме монашек было много, был порядок и какой-то монашеский дух. Ведь этот храм – все, что осталось от древнего монастыря.

Святейший патриарх Алексей I приезжал в храм помолиться, часто поздним вечером, когда уже нет службы. Работницы храма, все в синих халатиках выстраивались его встречать и провожать. «Как Вас много!» - говорил Святейший. «Целый монастырь».

И митрополит Пимен любил приезжать в этот храм, приезжал поздно, после службы поклониться святыням.

К Анне митрополит благоволил. Служащие храма тоже выстраивались его встречать и провожать. Однажды Анна набралась смелости и подбежала к митрополиту. «Владыко святой, можно у Вас спросить?»

- «Спрашивай, милое чадо».

«Хочу иночества», - сказала Анна. Владыка обрадовался, склонился к ней, его борода почти касалась лица Анны «У тебя есть духовный отец?» - спросил он.

- «Есть».

«Твоя судьба в руках духовного отца», – был ответ.

Владыка пошел дальше. Тут все Анну обступили. «Что ты спрашивала, что ты спрашивала?» – раздалось со всех сторон. «Это мой вопрос» – ответила Анна.

Она удивлялась, митрополит – и не может дать иночество! «Вот какая власть у духовного отца!» - говорила она мне спустя 40 лет.

Архимандрит Тихон (Агриков) (в схиме Пантелеимон)

Духовным отцом Анны был тогда иеромонах Тихон, впоследствии схиархимандрит Пантелеимон (Агриков).

Старец Серафим (Романцов) в чада не взял, но велел духовного отца искать. К отцу Константину обращаться не благословил. Анна хотела прислуживать отцу Константину, ездить к нему на дачу. «Какая там дача. У него матушка есть», - сказал старец, постучав Анне по голове: «Ты - девочка Загорская, покопайся, покопайся, найдешь. У Вас свой архимандрит, на всю Европу известный.»

Анна прослышала про отца Тихона (Агрикова) и поехала в Загорск (теперь Сергиев Посад). Там стала спрашивать у людей, где отец Тихон.

Мимо шел иеромонах с крестом в руках. «Вы не знаете отца Тихона?»,- обратилась к нему Анна.

Он глубоко вздохнул и спросил: «А что ты хочешь, детка? Целуй крест».

С этого времени Анна, а потом и Варя обрели духовного отца – архимандрита Тихона (Агрикова). Отец Тихон учил их вере православной, послушанию, чтению духовных книг и переживал за все стороны жизни своих духовных чад.

Анна и Варя были «лимитА» - тогда существовал такой термин, т.е. они работали по «лимиту». Варя – кондуктором, а Анна – дворником.

«Лимит» - это был такой паспортный режим в советское время, когда прописывали только по месту работы, типа раба. А как уходишь с этого места, так и до свидания, никакой тебе Москвы, ступай, откуда пришла. Анна просилась прописаться нормально у начальника. «Я слабая, мне дворником трудно»

А он ей говорит: «А ты иди в свою богадельню». А где они, богадельни? Без прописки квартиру не получишь. Сестры после работы «по лимиту» - целыми днями в храме. Анна убирала храм и работала в трапезной. Варя - за ящиком (т.е. продавала свечи и принимала записки). Есть им давали, что останется, а если не останется, то чай. Старосты тогда были сплошь «советские». «Советская староста» с гордостью говорила, что их храм, да еще «Всех святых» на Соколе больше всех денег государству дает. А работники храма как хотят. Так Анна иногда на дворницкой работе от слабости лом поднять не могла.

Анна спала в храме на полу, там, где проходила под полом труба отопления, так за это место соревнование было. На ночь уходить из храма они не хотели, к вечеру сил уже не было куда-нибудь идти.

Но после того, как в храм залезли «жулики», как говорила Анна, староста их стала гнать домой, потому что «жулики» могли и убить. Так Варя пряталась наверху, на площадке над входом в храм, где стояли бочки для крещенской воды. Староста гоняла их.

А у них не было сил ехать, да и дома у Анны не было, она жила у «благодетельши», приедешь с работы, а ее дома нет – гуляй, Анна! Варя пожаловалась отцу Тихону на старосту (тогда и она, и Анна были еще «Тихоновы»), что сживает староста их со свету. О.Тихон любил своих чад, говорил : «Я их из дьявольских зуб выну!» Он разгневался на старосту, но ничего не сказал. Совсем скоро староста скончалась, неожиданно, от сердечного приступа.

Лирическое отступление

Мне от матери Анны достался в наследство её архив. Это – тетрадки с записями: тетрадка с акафистом «Слава Богу за всё», тетрадки с молитвами, среди которых, например

«Чин бываемый на нивах», «Молитва на всякую немощь». Ведь молитвословов не было. Анна переписывала псалмы, молитвы.

Масса листков с пометками – сколько и в какие монастыри и храмы подано «на сорокоуст», на псалтирь, «на год». Фотографии. И ещё - записи того, что составляло ее жизнь. М. Анна записывала на многочисленных листках то, что ее волновало, какие-то события, соображения, телефоны близких людей.

Привожу записи с трех листков (правописание сохраняю):

1 листок : «ночью молоко с медом теплое, чай сладкий корвалол 30 кап (Аптека для сна) .нерка хорошая по 45-50.

Еп.Феофан «Всякий человек дейст и до 113 стр как кукла с 142 о молитве невид

С.148 Огонек в сердце

Схиигумен Иоанн Валоамский пишет стр 59 Св.От.пишут, что природ.недостатки остаются и у святых для их смирения.

С.129 39 письмо и 124 сверху о тоске св.отцы

47 письмо 135 стр сверху всю не горячись успокойся

Тел 477 49 15 спросить что брать покот или деньги нам пожизненно.

Шургунов из пыжов Александр»

2 листок :

«3 раза Бог.Дево рад

6 утра псалом 22 и тропарь дня

9 утра псалом 50 и тропарь дня

12 час псалом 90 и тропарь дня

3ч.дня псалом 142 и тропарь дня

6ч.веч. псл 69 и тропарь любой

9ч веч псл 127 и тропарь любой

10,11 веч.пс 133 и тропарь любой

1гор. больница к Лен проспекту на право неврология

29-09-05 у Нины мыла ее хорошо

29-12-05 у Нины мыла ее хорошо

16-02-06 у Нины мыла ее хор.»

(Нина - это ее знакомая, монахиня, после инсульта почти неподвижная, выдворенная из монастыря, жила одиноко и бедно. Про Нину я слышала от м. Анны, но про то, что она за ней ухаживала – никогда не слышала. Прим. Составителя))

3 листок «излив. скорбь 3,12,16,37,54,87,140,141,142 60-61-63-69-59-58 (имеются в виду псалмы.Прим.Составителя)

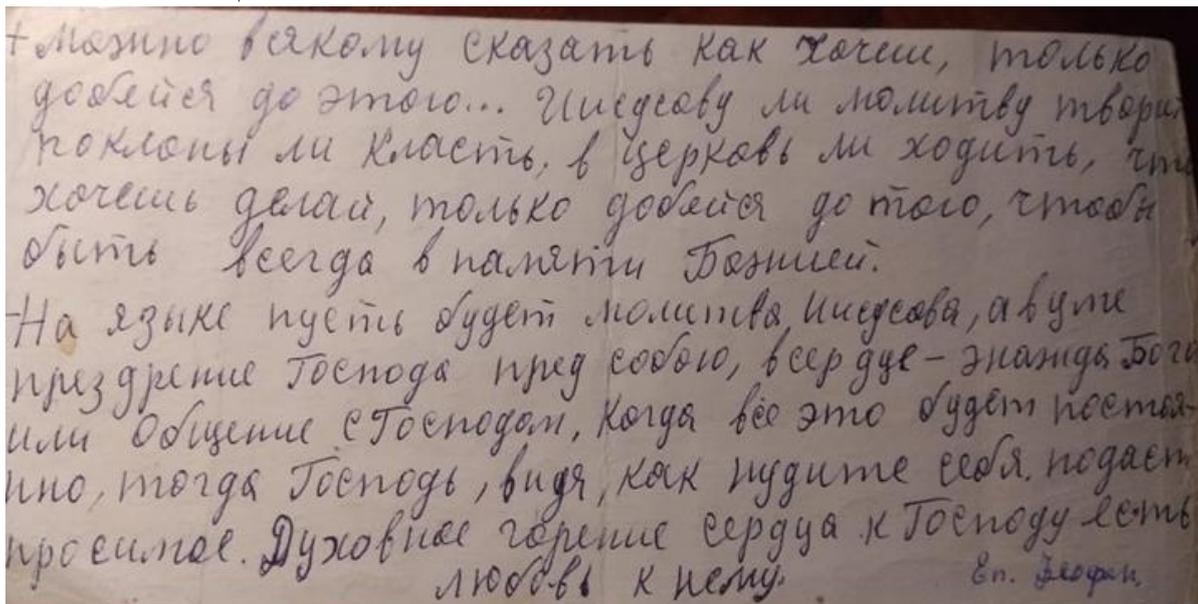
Не забывайте целовать свой крестик утром и вечером

5-ое завещание хорошее (думаю, имеются в виду завещания старца Саввы (Остапенко)Прим.Составителя).

3 раза помяни Господи давид (имеется в виду молитва, которой советовал молиться схиигумен Савва (Остапенко) при домашних неурядицах : «Помяни,Господи, Давида и всю кротость его».Прим.Составителя)

3 раза прииди мир и тишина в дом сей и укроти ярость.

Вот ещё:

↑ можно всякому сказать как хочешь, только добейся до этого... Иисусова ли молитва творит, поклоны ли класть, в церкви ли ходить, что хочешь делаи, только добейся до того, чтобы быть всегда в памяти Божией.
На языке пусть будет молитва Иисусова, а в уме призраше Господа пред собою, всердце - знаида Бога или общише с Господом, когда все это будет истинно, тогда Господь, видя, как иудите себя, подают прощение. Духовное горение сердца к Господу есть любовь к нему.
Еп. Иоанн

Вот чем жила м. Анна. Простой, грешный человек. Этот человек «ходил под Богом». Как ветхозаветный Енох.

Копаясь в тетрадках я обнаружила в них стихи, которые принадлежали архимандриту Тихону (Агрикову).

Он писал стихи, это известно, но вот такого стихотворения, которое описывает мысли и чувства духовника, я никогда и нигде не читала.

ПСАЛМ

Час полунощный на башне пробил
У божницы горит огонёк
Перед ним на полу, склонив долу главу
Завершает отец свой денёк.
Он в молитве своей за любимых детей
Не жалеет отеческих слёз
Как им трудно в пути!
Дай им, Боже, идти
И избави от демонских грёз.
Здесь их нету со мной
Все живут стороной
Без защиты в мире земном

Кто-то плачет сейчас
Кто борим в этот час
Побежден ли кто прЕлестным сном.
Не оставь их в беде
И храни их везде
Ты Отец наш, Ты Бог, Ты Любовь.
Все мы дети Твои
За Тобою пошли
И глава всё склоняется вновь.
На дворе за окном
Плакал дождь сентябрём
У Божницы потух огонёк.
Перед ним на полу
Склонив долу главу
Завершался тяжёлый денёк.

У м. Анны в тетрадках есть и еще стихотворения о Тихона, они просты в исполнении, глубоки в содержании.

Но вот это, «Псалм», лучше всего характеризует основное направление жизни о. Тихона (Агрикова) – духовничество.

Вернемся на земную стезю

Основная проблема сестер была – отсутствие своего жилья. Девушки плакали, молились и жаловались духовному отцу. Казалось, что эта ситуация неразрешима.

Тогда же кто-то надумил сестер собирать на кооперативную квартиру. Ох и далась им эта квартира! Они три года не ездили отдыхать, каждый рубль берегли.

Деньги собирали и складывали в негоряемый шкаф в храме. Поднялась клевета.

Мол, сестры деньги из храма тащат. Один хозяйственник так и сказал Варя, вы, мол, воруете. А Варя - быстрая на язык и ответь ему, что и про вас говорят, что деньги домой чемоданами носите. Ну он к очередной старосте: «Или я, или они». Ну их и выгнали. В это время подошла квартира в кооперативе. Денег не хватает.

Одновременно в общежитии у Вари назревал конфликт. Девушек много в комнате, все разные. Варя повесила около своей кровати иконочку. Комендантша заметила, стала орать, что она, Варя, «церковница». Это слово в те времена обозначало человека опасного, не советского. Газеты были полны статьями про «церковников» - вредителей и шпионов, и о судах над ними. Она запустила в Варю табуреткой, хорошо, мимо. А на следующий день, придя с работы, Варя обнаружила свою кровать в коридоре.

Она в расстройстве, в слезах поехала к своему духовному отцу - тогда иеромонаху Тихону (Агрикову) в Лавру,

нашла его в церкви после службы, там выплакала свое горе. Отец Тихон поднял руки и стал молиться с закрытыми глазами. «Ой, улетит, улетит!» - думала Варя.

Но он не улетел, открыл глаза, сказал: «Детка, будет тебе квартира!» И через некоторое время Варю пригласили жребий тянуть на кооперативную квартиру. Денег, собранных сестрами, было недостаточно. Варя написала о своей нужде архимандриту Виссариону, с которым познакомилась, когда он был семинаристом и прислуживал в храме на Таганке, где и она трудилась - убирала храм. Тогда она его подкармливала, денег давала. Приехал архимандрит Виссарион, спросил, сколько денег давать, на две квартиры или на одну, имея в виду Анну.

Но Анне так и не дали прописку. Поэтому Варваре и досталась кооперативная квартира, вымоленная архимандритом Тихоном и оплаченная частично трудами сестер и, большей частью деньгами благодетеля - архимандрита Виссариона. Так Варя обрела дом.

А Анна до 1997 года жила у «благодетельши», а потом ей комнату дали от работы.

О.Тихон воцерковил и еще одна сестру Анны –«Вольгу», так Анна называла свою сестру Ольгу. Ольга приехала Великим Постом в Москву, и сестрам – Анне и Варе – удалось привезти ее в Троице Сергиеву Лавру к о.Тихону. Она пошла на исповедь.

От аналоя доносилось: «Ты постишься? А? А? Не слышу!» Ольга что-то тихо бормотала, повесив голову. «Корова!» - слышалось от аналоя. Это о. Тихон так «вел» свое новое чадо. Ольга после исповеди вовсе не расстроилась. Она стала поститься, и постилась всю Светлую Седмицу, да так делала, чтобы это никто не заметил. Позже выяснилось, что такую епитимью наложил на нее ее духовный отец – о.Тихон.

Потом она одна, не сказав сестрам, поехала в Лавру и вернулась сияющая, с четочками, с Евангелием. (Тогда невозможно было купить Евангелие*).

И пошла, пошла Ольга по пути к Богу, стала ездить в храм из своей деревни 3 часа автобусом, молиться и поститься даже по понедельникам. Стала молчальницей, молчала и терпела за молчание великие скорби от соседей.

Однажды за свой подвиг просидела в погребе, в подвале целые сутки, так как полезла туда, никому не сказав. Крышка погреба захлопнулась, жила она одна в доме.

Но Ольга не впала в отчаяние, а стала молиться: «Отче наш!». На какой-то тысячной молитве крышка погреба поддалась, и Ольга вылезла на белый свет. И это символ ее жизни. На свет ее вывел великий знаток человеческих душ и великий подвижник – архимандрит Тихон (Агриков). Он всех по-разному приводил к вере, в Церковь.

У великих подвижников и скорби великие. Отца Тихона преследовали «агентши», как говорила Анна, а попросту – работницы КГБ.

Они пытались прорваться в алтарь, прыгали на него сверху, с баллюстрады Трапезного храма Троице-Сергиевой Лавры, лезли в окна. Изображали «любовь».

Духовных чад у отца Тихона было много, много молодых девушек и женщин. Отец Тихон пас свое стадо ревностно. Подолгу исповедовал, накрыв и себя, и исповедуемого епитрахилью. Пошла клевета, что он целует своих духовных чад под епитрахилью.

Да тут еще и «агентши», которые изрядно надоедали братии Лавры. И вот отцу Тихону, ученому монаху, учившемуся в Духовной Академии, ревностному проповеднику и молитвеннику, известному пастырю, лаврское начальство сказала: «Или монастырь, или чада».

«Чада», - выбрал о.Тихон

«Повалили, повалили, - плакал навзрыд об о. Тихоне потом Глинский старец о.Серафим (Романцов), находясь за многие сотни километров от происходивших событий в Лавре: «Какой столп повалили! Съели бабы!»

*Автору этих строк гораздо позже, в 80-х годах, удалось купить Евангелие аж за 80 руб – при зарплате в 140. Привезли из-за границы, там ловкие русские туристы таскали на продажу из гостиничных номеров. В то время в Европе было принято, чтобы на тумбочке возле кровати лежало Евангелие.

И с тех пор и по смертный одр вся жизнь о. Тихона – странничество. Он жил и в Западной Украине, и на Кавказе, и везде был одними любим, а другими гоним.

И в Мукачевском монастыре, где нашел себе одно время место о.Тихон, нашли его «агентши» и пытались толкнуть его, когда он причащал народ.

Это делалось специально, чтобы из Чаши пролилась Пречистая Кровь Спасителя и чтобы запретили о. Тихона в служении.

В Абхазии о.Тихон проживал в частном доме своего духовного чада. И вдруг собрался и покинул его в 5 минут, как говорили очевидцы. Сразу после его бегства в дом заявили боевики «кавказской» нации с явной целью его убить.

В другом месте Кавказа дом, где проживал о.Тихон, вдруг охватил пожар. О. Тихон и его чада успели покинуть дом, но те, кто его подожгли, стали преследовать о. Тихона.

О. Тихон бежал и на его пути оказался огромный овраг. И вдруг какая-то сила перенесла Батюшку, как бы на крыльях его монашеской мантии, и он очутился на другом берегу оврага и избежал погони.

История его жизни еще ждет своего писателя.

А с Анной получилось вот что. Анна ехала в электричке с другими духовными чадами в Загорск к своему духовному отцу. К ней подседа женщина, «агентша», и стала говорить: «Ты что к духовному своему едешь, к о. Тихону?» Анна сказала, что с отродьем лукавого разговаривать не будет. А со стороны – едут вместе и беседуют. Так и поняли другие чада о. Тихона, ехавшие в этом же вагоне и подозрение в пособничестве «органам» легло на Анну.

Позже, когда уже архимандрит Тихон покинул Лавру, к Анне пришла женщина, которую все подозревали в связях с КГБ, но Анна этого не знала.

«И надо же этому быть»,- говорила Анна. «У меня на видном месте лежало письмо о. Тихона с обратным адресом» После ухода этой женщины письмо духовного отца пропало. Анна поудивлялась, но не придала этому значения.

И через это письмо место, где скрывался о. Тихон, было открыто, и туда стали ездить эти то ли купленные, то ли бесноватые женщины, которые опять не давали прохода Батюшке.

Одна из них еще в Загорске приходила к нему с букетом, в котором был спрятан нож, чтобы зарезать отца Тихона, якобы из ревности.

Даже судя только по страшным бесовским преследованиям, архимандрит Тихон (Агриков), в схиме Пантелеимон – великий подвижник православной веры. Он любил своих духовных чад, недаром он говорил: «Я их из адовых зуб выну!»

Однако не сложились отношения Анны и отца Тихона.

Она себя в старости ругала «духовной прелюбодейкой», за то, что переходила от одного отца к другому, но это было. И нельзя сказать, что только по вине Анны.

Одно время близкой к о. Тихону была его духовная дочь Нина, тоже подвижница и молитвенница. Но человек проходит путь свой к духовному совершенству, или хотя бы ко спасению, в борениях и падениях. И в тот момент, когда она была старшей в окружении отца Тихона, в ней жили и действовали страсти, которые известны каждому из нас.

Вот она и говорила Анне и Варе: «Тех, которые у отца Тихона в духовных чадах меньше 10 лет, мы будем отсеивать.»

Вряд ли о. Тихон собирался «отсеивать» кого-либо, скорее всего, эта действовала обыкновенная «ревность не по разуму» в подвижнице и молитвеннице Нине (в схиме Марии). Но каково было слушать это слабеньким Анне и Варе?

Да еще и духовные чада обвинили Анну и ее сестру Варвару в связи «агентшами», и отец Тихон поверил клевете. Как это тяжело – разлад с духовным отцом – знает только тот, кто ведет серьезную духовную жизнь. Одна знакомая Анне схимница говорила, что это самое тяжелое испытание в жизни православного человека.

Анна рассказала об этом о. Серафиму (Романцову) в очередной приезд в Глинскую. Старец ни на минуту не поверил клевете. Велел сказать о.Тихону, чтобы не верил клевете и взял ее обратно.

Анна передала слова старца отцу Тихону, но, по его реакции, поняла, что он ей не верит. Через некоторое время со своим горем она опять поехала к старцу Серафиму. «Раз в полгода к нему ходи!» - отрезал старец. Анна испугалась: «Да я привыкла все спрашивать!» «Да ты девочка Загорская, у тебя свой архимандрит» - был загадочный ответ.

С тем и отбыла Анна в Москву и продолжала трудиться в «Трифоновском» храме.

Молитвенница и подвижница Нина (схимонахиня Мария) жила недалеко от «Трифоновского» храма, на пр. Мира. Она была многим известна, к ней приходили посоветоваться разного возраста люди, в основном, женщины.

Рассказывает одна из ее посетительниц: «Я к Нине забегала почти каждый день, хоть на 5 минут. Она не всех принимала.

Забегу, она мне скажет что-нибудь хорошее, полезное, и я дальше лечу утешенная. Помню ее поговорку «Господи, просвети меня, болвана!»

Она была красивая даже и в старости. Коса длинная, черная. Ездила по старцам - и в Почаев, и во Псков. Духовный отец у нее был архимандрит Тихон (Агриков). Но, когда он был недоступен, обращалась к архимандриту Афанасию из Солнечногорска».

Схиархимандрит Пантелеимон (о. Тихон (Агриков)) незадолго перед смертью, совсем больной, вернулся в Москву. Его пригрел родственник – настоятель храма Благовещения в Тайнинском (Мытищи). Там он и почил 15 ноября 2000 г.

Он почил, как говорят, во время вечернего богослужения, на словах: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» в келье при храме.

Отпевание архимандрита Тихона (схиархимандрита Пантелеимона Агрикова). Крестится м. Анна. (из архива м. Анны)

Мать Анна была на его отпевании. Это было событие в православной жизни Москвы, а может быть, и всего православного мира.

А что арх. Тихон – схиархимандрит Пантелеимон не только по имени, я убедилась, приложившись к Кресту на его могиле, после чего у меня прошли боли в спине. К сожалению, не навсегда.

Схимонахиня Мария (Нина Ильинична Чичерюкина) пережила своего духовного наставника на 2 года и отошла ко Господу в 2002 г.

Перед смертью за Ниной (схимонахиней Марией) ухаживали те же сестры из сестричества, которые призрели впоследствии и м. Анну. Вот такое совпадение.

Схиархимандрит Симеон (Нестеренко)

Однажды зашел в «Трифоновский» храм, где работала в это время Анна, невысокий хромой монах. И сказал Анне: «У тэбэ духовный отец?»

«Есть», - сказала Анна.

«Тогда отпросись у него. Будэм ты, да я, да Бог!»

Удивилась она словам этого монаха, сказанных «со властью». Да тут еще и разлад с отцом Тихоном, и слова о. Серафима (Глинского): «Раз в полгода».

Поехала отпрашиваться. Отец Тихон при встрече с Анной иногда юродствовал: посмотрит на нее и скажет «Ты кто такая, как тебя зовут?» Анне было это обидно.

Но в этот раз о.Тихон ее сразу узнал, отпустил ее не без горьких слов : «Как ты ударила о.Тихона по щеке, так и ударишь о.С.»

А Варю не отпустил. И терпел от нее такие скорби, что даже плакал.

Отец Симеон был великий молитвенник, а по отношению к духовным чадам настоящий отец.

Был такой случай в храме «у муч. Трифона»: староста храма, в очередной приезд о. С, стала жаловаться на Анну и Варвару, что они ругаются. И правда, Анна сейчас удивляется, как это она ругалась на прихожан, и даже не считала это за грех.

Еще староста рассказала о себе, какая она труженица.

Схиархимандрит Симеон (Нестеренко) (Из архива м.Анны)

О.С. не стал выгораживать свою духовную дочь. А сказал : «Это мы, духовные отцы виноваты, что у нас такие чада. А ты не перетруждайся, тебе надо сейчас о душе думать, только о душе». Староста очень заужала невидного монаха после таких его слов. Но к сестрам не стала лучше относиться.

О.Симеон жил в Сухуме, а позже, в Гудаутах. В Москву он «наезжал» .

Со своими вопросами, когда он отсутствовал, он благословлял обращаться к старшей - старице Макрине (схимонахине Макрине). Она жила в подвале, недалеко от своего места работы - Елоховского собора.

Анна рассказывала:» Идешь по Бакунинской улице к старице Макрине и так повернешь, а потом так , вот и ее подвал. А подвал глубокий! Она, бывало, позовет нас : «Сестры, сестры! Давайте ко мне, кушать».

Раз пришли, а там воды! По колению! Сверху натекло, авария какая-то. Мы стоим, смотрим. А она «Сестры! Мы живем как в раю! Сейчас, сейчас! Все будет хорошо!»

Ну, мы посмотрели и ушли. (Сестры называется – прим. Сост.) А она осталась. «Кто ей там вычерпывал – не знаю», - сказала Анна.

Потом схимонахине Макрине комнату дали. Она переехали, а в другой комнате жили неверующие. Мать Макрина по ночам просфоры пекла. Ну, соседи давай ее страдать милицией. А годы какие были! Милиции все боялись.

Еще старица Макрина принимала странников. В тот момент у нее жила Нина, из сестер о.Симеона, безногая, ей обе ноги отрезало.

Пришла милиция – у нее безногая, да еще странница на полу лежит.

Милиционеры посмотрели, посмотрели, да ушли.

Но соседи продолжали нападать. Она и поменялась в другое место.

Перед смертью у нее была противная болезнь – недержание мочи. А она лежала уже, не вставала.

«Раз я пришла», - рассказывала Анна. «Макрина просит переменить. А я слабосильная, ухватилась за плечи, а сделать ничего не могу. А она кричит:«Ох и крестик у меня. Прямо архиерейский.»

Отец С., ставший духовным отцом Анны, наезжал в столицу редко.

Чаще Анна ездила к нему в Гудауты.

Вокруг него был «монастырь» из благочестивых девушек и женщин.

Страсти кипели. Когда Анна приезжала, «местное население»

возмущалось : «Москва приехала. Опять ничего не будет делать!» То, что Анна немощная и изнуренная целодневной работой в храме, в расчет не принималось.

Однажды Анна, начитавшись книжек, стала исповедовать своему духовнику помыслы против него же. Отец С. вскипел : «Убьрайся сейчас же!»

Анна и убралась в свою Москву, а потом поехала «на совет» в Глинскую Пустынь.

Архимандрит Серафим (Романцов) сказал : «Да где ты его нашла! Нет-нет, у тебя свой архимандрит, на всю Европу известный, в Загорске.»

- «Да как его зовут?»

- «Свой, свой архимандрит».

Ну вот, еще и разлад с о.С.

О.Симеон был подвижник, молитвенник.

Сила молитвы его была необыкновенна. Рассказывает его «послушница» Е.:» Пошлет меня батюшка в Загорск, скажет, поезжай к отцу такому-то и скажи ему то-то. Еду. Прихожу в здание Духовной Академии, туда посторонних не пускают, а я прохожу свободно. Встречаю незнакомого батюшку и говорю ему:»А где мне найти такого-то?»

- А это я и есть. Я тебя встречаю».

Вот такие чудеса.

Архимандрит Симеон страдал страшной болезнью – отмороженные в детстве ноги покрылись гнойными ранами и из них «выходили» косточки. Передвигаться он мог только с посторонней помощью. На приобретенном микроавтобусе он, в сопровождении келейника, приезжал туда, где его ждали. Например, в Покровский женский монастырь в Москве. Его ждали, ждали его слова, его утешения.

И он, «больной-пребольной», как говорила Анна, не жалея себя, ездил, пока мог. Потом слег. Лежал 8 лет, и почил в 2012 году в возрасте 90 лет. Его подвиг был, по всей видимости, принят Богом. На его могилке происходят исцеления.

Но не всегда отношения двух людей, даже подвижников, простые и «правильные». Анна до конца жизни сохранила любовь и уважения к старцу Симеону (Нестеренко), но, послушав прп Серафима (Романцова), потом перешла под духовное руководство архимандрита Кирилла (Павлова).

Слова великого старца Серафима (Романцова), мне кажется, нужно воспринимать так, что у Анны был один, Богом данный духовник, до которого она просто в то время еще не добралась. Это очень трудно в наше время – найти «своего» духовника.

Расставание с о.Симеоном было болезненно для них двоих, тем более, что о.С, несмотря на свою горячность в отношении Анны, все-таки искренно ее любил как «чадо». Сохранилось письмо, которое писал чудесный старец Симеон своему беглому чаду. Вот выдержки из него «Спасайтесь милые о Христе сестры! Презрели мое скудоумие, Вы забыли убогого меня... Чем я вас так огорчил... Что я вам сделал что вы так крепко огорчили меня своим безумием. Что надо было для Вас от меня и я не помог... Познайте послушание и ослушание... Грешный Симеон, иеромонах недостойный».

Мать Анна до смерти переживала эту драму. НО! Что-то не сложилось, да и не могло сложиться. Видимо, об этом и предупреждал Анну прп Серафим (Романцов).

Гораздо позже, уже после смерти схиархимандрита Симеона (Нестеренко), Анне снился сон. Идет она унылой дорогой и видит: на горе сидит о.Симеон со своими сестрами и ногами болтает, веселый такой!

Анна ему кричит: «А я, а мне куда?»

Он: «Юродствуй, и спасешься!»

«Пой, девка! Для Господа от души пой! Ни на кого не смотри»

Анна часто унывала, плакала. Что в храме работала – это было счастье, но гнали.

«Мы не смиренные были», - говорила Анна. Но Бога и храм любили, за это сохранил их Господь.

Эти «не смиренные» спали на полу в храме, подложат ватники («куфаечки» – так говорила Анна) и спят. Когда из Трифоновского храма их выгнали, то «доброжелатели» сказали: «Вот вас Трифон из храма за ручку вывел». Правда, вывел.

А Матерь Божия, Всемиловитая, Тихвинская - в Свой храм ввела.

17 лет работала Анна в храме в Богородском, под покровом Божией Матери. «Почему под покровом Божией Матери?», - спросила я. «Ведь храм в честь Преображения Господня».

«А там Тихвинская икона была, чудотворная», - ответила Анна.

Храм сгорел однажды, а две иконы – Тихвинская и святителя Николая остались неповрежденными.

Хор храма был из 22 человек. Регентша (духовное чадо св. Алексия Мечева) – Клавдия Никаноровна держала хор хорошо. Две певчие хора были вдовицы, остальные – «чистые девы», по словам м.Анны.

Люди приезжали хор слушать и на молебны к Тихвинской. Регентша ставила Анну рядом. Анна пела и держала книгу, по которой пели.

И так было и у «Иверской», куда сестры позже перешли.

Но уволили их и из Богородска.

Почему ?

Слева первая – Анна, вторая справа –Варя.

Люди приезжали хор слушать и на молебны к Тихвинской. Регентша ставила Анну рядом. Анна пела и держала книгу, по которой пели.

И так было и у «Иверской», куда сестры позже перешли.

Но уволили их и из Богородска.

Почему ?

«Привели своих, грамотных. Да еще, если бы мы с Варей молчали, а то у нас языки длинные. Стали укорять одну, а она была духовное чадо отца настоятеля. Стали нас гнать, мы к настоятелю, а он я, мол, ничего не знаю, это не моя епархия. И мы перешли в Сокольники к Матери Божией Иверской. И там пели и читали. Часы читаем, обедню поем, а потом или молебен, или панихиду, или отпевание. И все за рубль. Стали нас проверять, мол, много денег берем за панихиду, аж руку разжали, покажи, сколько у тебя там. А в руке моей рубль.

Пойдем, поедим в трапезную, а потом опять вечернюю службу петь.

Когда домой ехать, нога на ступеньку трамвая не поднимается, хоть руками переставляй. А другие не так, поют вполголоса.

Я даже у старца Серафима Глинского спросила, может, я зря так стараюсь, во весь голос пою. А он: «Пой, девка! Для Господа от души пой! Ни на кого не смотри»

А какие были прихожанки в Сокольниках ! Одна, Зоя Павловна, «на гвоздях стояла» - так говорила Анна. Ей сделали операцию после перелома костей ног, а потом надо было еще одну операцию делать, эти гвозди вынимать. Но не стали делать, потому что она старая, могла не выдержать. И вот она стоит, не присядет, только на палку опирается.

- «Зоя Павловна! Ты посиди»!

- «Нет, нет, я Богу молюсь».

Так и стоит «на гвоздях».

Она плохо слышала. Встанет впереди, а потом клиросу говорит: «Что это вы сегодня пели, ничего не слышно!»

Огорчалась, когда пост кончался. Придет скучная: «Поста нет, жалко!»
«А я - наоборот», - говорила Анна – «Пасху любила, все такое веселое».

Последнее свидание с прп Серафимом (Романцовым).

Это было, когда Анна окормлялась еще у о.Симеона. Поехала Анна с сестрой Варей в Сухуми к своему духовному отцу о. Симеону.

У Вари был рак, ее болезнь была такая, как у кровоточивой жены. Она очень боялась смерти. Анна и Варя попросились у отца Симеона навестить о.Серафима (Романцова), который тоже в это время жил в Сухуми. Он с неохотой отпустил, говоря, что тот уже старенький и ничего не отвечает, только «да» и «нет».

Пришли к нему домой. Его близкие духовные чада продали свои дома и купили на всех этот один просторный дом. Он их принял «ну вот как мать, как родная мать!»

Варя плакала, боясь смерти. Она сидела к нему близко, рассказывала ему на ухо свою беду, почти касаясь губами уха. Строгая Анна стала говорить, что так нельзя, не по-монашески. Варя апеллировала к старцу, что вот, Анна говорит, что так нельзя.

«Нельзя» - сказал старец, но продолжал свое ухо подставлять под Варин рассказ. Операцию не благословил. «Ну ничего, ничего, по-тихоньку» - был его ответ.

Сестры не поняли, но ушли утешенные, обласканные и горе – пол-горя.

Много позже Анна поняла, что означало «по-тихоньку» – что он будет молиться. И молитвы трех старцев – о.Серафима (Романцова), о.Кирилла (Павлова) и о. Иоанна (Крестьянкина) продлили жизнь Варе еще на 15 лет. Одна из «хожалок» старца, «горбатенькая» Елисавета, рассказывала, что у одной из послушниц старца – Евфросинии, была такая же болезнь и уже в крайнем проявлении – она истекала кровью. И вот, старец посылает «горбатенькую» в больницу к Евфросинии с таким наказом: «Поди к ней, скажи: « Вставай! Иди домой! Тебя исцеляет Господь Иисус Христос!» «Горбатенькая» сказала, как было велено. Евфросиния встала и пошла домой. И не только исцелилась, а даже выздоровела.

Батюшка вскорости призывает Евфросинию и посылает ее помогать одной вдовице. Той привезли две машины угля, высыпали возле дома, а там ведь растащат.

И Евфросиния, недавно помиравшая, пошла и в два дня они с вдовицей перетаскали две машины угля в дом.

Удивительные вещи происходили по молитве старца и послушании его духовных чад.

Еще случай с горбатенькой Елисаветой. Старец ее посылает сложить печку сироте. Сейчас печник – это элита от пролетариата. Его визит стоит немаленьких денег, потому что печь сложить сложно.

Елисавета изумилась, как так - печь сложить!

Она даже не видела, как это делают. А старец ее учит: «Слушай сюда. Вот так кирпичики сложить, вот так отдушину сделай.» Елисавета пошла и сложила печку! А потом с удивлением рассказала это Анне.

Отец Серафим на последнем свидании говорил о трех искушениях, которые будут перед смертью.

«Первое: неверием – ничего там нету. Тогда надо твердо исповедовать веру.

Второе: демоны будут кричать, свистеть, пугать, убеждать, что душа погибла, нет ей спасения.

Надо молиться Господу, Божией Матери, Ангелу Хранителю, чтобы спасли и помиловали, а на демонов не обращать внимания.

Третье – я лучше всех, я делала все, я страдала за Господа, а Господь забыл. Это надо отгонять хотя бы воспоминанием о грехах».

Анна не знает, это он только ей говорил, или всем.

Еще он говорил Анне, что ей уже пора держать молитву Иисусову.

Анна вздыхает: «И посейчас ее нет.»

Совет единомысленного брата

Трудность жизни действительно духовного человека в том, что он, не полагаясь на свой разум, должен у кого-то «спрашивать» - т.е. видение и решение своих проблем предлагать на суд человеку. Анна, как она

говорила, «привыкла спрашивать». Естественное желание – найти духовного человека, который будет говорить не «от ветра главы своея», а ведомый Духом Святым.

Еще свт Игнатий Ставропольский в XIX веке констатировал крайнее оскудение духовных наставников .

Но принцип духовной жизни остался – «по совету», но теперь уже «единомысленного брата». Вот Анна и пыталась найти «единомысленного» духовного наставника.

Перед тем, как обрести предсказанного прп Серафимом (Романцовым) «загорского» духовного отца, Анна пыталась «спрашивать» свои вопросы у архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Старец, к которому ездила вся Россия, не мог уделять время в достаточном, да и не в достаточном количестве.

И его духовные чада спрашивали свои вопросы у «старшей», потом возведенной в сан игуменьи «врача Марии Ефимовны» - мон. Марии (Мария Ефимовна Дроздова).

Эта подвижница была хорошо известна в узком кругу верующих тогдашней Москвы. Но у Анны не сложились доверительные отношения со «старшей», а без доверия – какие же отношения?

Еще Анне очень нравился схиигумен Савва (Остапенко). О.Савва даже взялся служить молебен, чтобы молитвой определить – взять в духовные чада Анну? Но этот молебен никак не удавалось довести до конца, а в конце и вовсе – разлилась вода, которую освящал схиигумен Савва на молебне. «Нет воли Божией», - определил старец.

Как Анна добралась до «своего, Загорского, архимандрита» - о. Кирилла (Павлова) я не помню.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Православные люди хорошо знали архимандрита Кирилла (Павлова). Полнота этого знания выяснилась на похоронах этого старца. Тысячи людей приехали к нему на похороны, а сколько тысяч хотели, но не смогли?

Он много времени лежал (около 16 лет) после инсульта недвижим и безгласен, но все-таки иногда «приходил в себя», как говорят те, кто за ним ухаживал. Он почил 20 февраля 2017 г., а похоронен был 23 февраля, в день Защитника Отечества. И это не случайно. Архимандрит Кирилл Павлов и сержант Иван Павлов, герой Советского Союза, по имени которого назван знаменитый дом в Волгограде, это, по мнению многих, т.ч. и матери Анны – одно лицо.

Она мне даже передала старую газету, в которой описывается подвиг сержанта Павлова, командира подразделения, которое 58 дней защищало стратегически важную точку.

Для сравнения – Нидерланды сопротивлялись 63 дня, Франция 44, а Польша целых 3 дня!

О том, что Герой Советского Союза сержант Павлов и архимандрит Кирилл (Павлов) – одно лицо, косвенно говорит еще и тот факт, что о. Кирилл на вопрос, тот ли он Павлов, ничего не отвечал. Если бы не тот, то, наверное, отрицал.

А распространенная версия о личности сержанта Павлова, на тему которой даже было создано документальное кино, как написал один из исследователей этой темы, была создана КГБ. Тогдашняя власть не могла допустить, чтобы Герой Советского Союза стал впоследствии монахом.

Так это или иначе, но Иван Павлов (в монашестве Кирилл) был настоящим русским воином.

А позже стал настоящим воином Христовым.

С о.Кириллом связана, наверное, целая эпоха в жизни православного общества нашей страны. Он на одной беседе с народом говорил: «Старцев не знаю, а старики есть», но народ со всей страны стремился к нему именно как к старцу.

«Ох, сколько же я чудес видела по его молитвам!» - говаривала Анна. «Вот, он меня по воздуху исцелил».

«Как это – по воздуху?» - недоумевала я.

Оказалось, что Анна заболела бронхитом, а, может, и чем посерьезней – кто это скажет? И была такая слабая, что падала при ходьбе. А в храм все-таки шла. И вот однажды она «по воздуху» закричала :«Батюшка! Исцели, больше не могу!» - и болезнь прошла, прошла мгновенно, как и не было ее. В момент стала здоровой. Исцелил, конечно, Господь, «Но по его, о.Кирилла, молитвам» - так рассуждала Анна.

А еще они с Варей видели его «в славе». На исповеди.

Дело было так: Варя ждала своей очереди, пока архимандрит Кирилл (Павлов) исповедовал Анну.

И вдруг вместо смиренного батюшки Варя увидела, что он - молодой, сияющий, с золотыми волосами, сидит на золотом кресле. Она даже вскрикнула.

Тут Анна, оторвавшись от осмысления своих грехов, тоже взглянула на батюшку, а он - молодой, сияющий, с золотыми волосами, сидит в золотом кресле!

Он понял, что Варя что-то видит, быстро нагнул ее голову и накрыл епитрахилью. Потом сестры установили, что видели одно и то же.

Архимандрит Кирилл (Павлов). Из архива м.Анны

Конечно, обыкновенная форма взаимоотношений духовника с духовным чадом в этом случае, с о.Кириллом, просто не исполнима. К о.Кириллу и шли, и ехали сотни, если не тысячи людей. Кроме того, он был одно время казначеем Лавры, а потом стал духовником Святейшего Патриарха Алексия II. Для того, чтобы спросить что-то, нужно было на целый день приезжать в Лавру.

Общение с арх. Кириллом происходило так: сестры приезжали в Лавру, старались приехать «к ранней» - т.е. к ранней Литургии. Она начиналась чуть не в 6 часов утра. Как они успевали – не понимаю.

Потом шли «на позднюю», и искали и «на ранней» и «на поздней» о.Кирилла. Если он исповедовал, то можно было что-то спросить или поисповедоваться, а если нет – то «ловили» его у братского корпуса. У него всегда было мало времени, но иногда спросить что-то удавалось. И это была радость.

Потом поиски – где поесть. Тогда в Лавре не было такой роскоши, как сейчас – кафе-буфе.

Сестры ездили на Литургию, как положено – натошак, и полдня проведя голодными, все-таки старались пред отъездом хоть что-то перекусить. Потом долгий путь домой, в Москву, а утром – на работу.

Мрачноватая картина, но - не опишешь внутренней радости от пусть короткой встречи с о.Кириллом.

Анна не избежала вполне понятной зависти к обласканным и более близким духовным чадам и мне иногда высказывала ропот на эти ситуации, понятные всем духовным чадам известных духовников.

Анна рассказала об одном таком общении с о.Кириллом. Он приехал к своей духовной дочери Н. на квартиру, чтобы помолиться о ее выздоровлении. Н. регентовала в Елоховском, тогда кафедральном соборе г.Москвы, была известным в своих кругах человеком.

В большой квартире Н. собрались «сливки» православного общества, всем хотелось спросить что-то у всероссийского старца. До скромных уборщиц Анны и Вари дела никому не было, хотя о.Кирилл все-таки нашел время ответить Анне на какой-то вопрос.

Но кончилось все слезами за дверью – так хотелось побольше пообщаться с духовным отцом, ну и вообще, быть незаметным и от этого не страдать – кто это может? По-настоящему духовные люди. Анна это понимала, и все-таки было обидно.

Она старалась поддерживать связь с духовными чадами о.Кирилла и в будничной жизни. Но, как я поняла, это была грустная и знакомая всем ситуация – все замыкались в своих проблемах, и не было единения и братской любви, к которой призывает нас Господь.

Сколько подарков у Анны от духовного отца! И крест, и четки, и иконочки. О.Кирилл передавал через других знаки своей любви скромным Анне и Варе, и при встрече всегда что-нибудь дарил. Он такой был, он всем дарил – на всех у него хватало любви, но не на всех – времени.

Наказание у него было – замолчит. «Каак замолчиит!» - со страхом вспоминала Анна.

Он и вообще мало разговаривал, но молчания его боялись все духовные чада. Никогда ни в каких обсуждениях-осуждениях кого бы то ни было, о.Кирилл не участвовал, и подобные разговоры всегда пресекал.

Вообще, духовное руководство его было «мягким», Анна часто вспоминала, что при решении проблем он ее спрашивал: «А как ты?» Т.е. - что ты думаешь по этому поводу?

И решения, насколько Анна знает, у него были разные для разных духовных чад. Например, для Анны вопрос с «карточкой москвича» был решен однозначно – «не брать!». Надеюсь, что все знают про «карточку москвича», благодаря которой москвичи-

пенсионеры ездят бесплатно в городском транспорте. Но Анна знает, что другое духовное чадо пользовалось такой карточкой, и она думает, что о.Кирилл ей этого не запрещал.

Как же она обходилась без карточки, живя в Москве, где почти везде надо ехать, а, значит, и платить за передвижение?

А вот обошлась как-то, несмотря на то, что пенсия была – как у всех, маленькая и за квартиру надо было платить.

Денег на храм или дать нуждающемуся (по крайней мере, при мне) Анна никогда не жалела.

Вообще это поколение православных без скупости всегда заказывало сорокоусты, свято чтит дни всех усопших родных по крови и по духу.

Ну, правда, искали, где подешевле сорокоуст заказать. Всегда подавались деньги на строящийся храм, всегда можно было рассчитывать, что при нужде они тебя не оставят.

Т.е. мои родные: мать Анна и еще одна мать – Валентина жили так, как заповедал Господь: «Не беспокойтесь, что есть и что пить....». И Господь их веру не посрамлял.

Архимандрит Кирилл с особенным благоговением относился к Матери Божией. И м. Анна следовала и в этом ему.

О.Кирилл научил Анну все время читать Евангелие и Анна была напитана евангельским духом. Она строго старалась жить по Заповедям Божиим. И в этом была мне примером – она всегда говорила то, что следовало из Евангелия, и поступать старалась без уклонений. Нужно было помочь кому-нибудь деньгами, вещами – помогала, пустить переночевать, и даже жить – пускала.

Старалась она жить по заповедям и в монастыре, куда сестер, по их просьбе, благословил о.Кирилл.

Сестры в монастыре.

В монастырь сестер благословил о.Кирилл со словами: «Все терпеть». И Анна с Варей поехали в известный монастырь в честь Феодоровской иконы Божией Матери в старинном приволжском городе. Это было в конце 80-х, когда началась перестройка, и было вообще голодно всем.

Замечательный епископ, в епархии которого находился монастырь, добрался даже до зарубежных благотворительных организаций, которые повезли монахиням гуманитарную помощь. Анна с восторгом вспоминала огромные машины «от католиков», в которых привозили и крупы, и консервы.

И все-все-все. Епископ по отечески спрашивал монахинь: «Сестры, вы сыты?»

«Сыты, спасибо, Владыка святой!»,- отвечали сестры. Епископ как-то особенно привечал Анну, не молодую и не расторопную.

М. Анна все-таки стала инокиней. Она не любила об этом говорить. Иногда только проболтается.

Так я узнала, что сестер постригли в инокини неожиданно, и все нашлось: и подрясники, и клобуки. Так исполнилась над Анной и Варварой воля Божия, быстро и неожиданно, как часто действует десница Божия. Матушка игуменья однажды сказала: «Быстро приведите себя в порядок». И постригла двух сестер в рясофор.

Анне оставили мирское имя «Анна», но только у нее стало две покровительницы – св. прав. Анна и княгиня-инокиня Анна Кашинская. Про Варю в помяннике у м. Анны написано – «инокиня Варвара», стало быть, ей тоже оставили мирское имя, но прибавилась еще одна небесная покровительница..

Но сколько раз собирались постричь Анну в монахини – нет! Все неожиданно отменялось.

Инокиня Анна (Шкуркина) . Из архива м.Анны.

Господь же знал, что не устоят они в монастыре.

И по-человечески устоять в монастыре было трудно – слабые, не молодые, не расторопные и «не смиренные» (как говаривала Анна) – кому нужны? «Мертвые души», - звали их некоторые сестры и попрекали, что, мол, не трудятся, а едят.

Они трудились. Но Анна, худосочная, малокровная, почти не способная к физической работе, наработать много просто не могла. Там ещё что-то произошло, и сестры покинули монастырь. Конечно, спросили у о.Кирилла, и он благословил их отъезд.

Владыка пытался оставить Анну у себя работать в епархии, но о.Кирилл этого не благословил. Со стыдом сестры покинули монастырь и вернулись в Москву. Варя – в кооперативную квартиру, а Анна – на работу в ЖЭК лифтером.

Опять Москва, бьет с носка!

При разговорах о монастырях, Анна вспоминала о.Тихона, который говорил, что монастырей нынче нет, а есть «колхозы».

Нет ли, есть ли, а сестры вернулись на круги своя: храм, в храме работа, работа «в миру», храм.

Анне дали комнату после всяческих мытарств.

Ни тебе театров, телевизоров, кино, интернета. Молитва, чтение, в праздники – «утешение» - рыбки красной съесть, кеты копченой. «Вкусная, как колбаса», - говаривала Анна. Ни сладкого, ни, тем более, горького (имеется в виду алкоголь) Анна не употребляла.

Работа лифтером была не трудной, но трудными были отношения с начальством. Главная бухгалтерша невзлюбила Анну, и все пыталась лишить ее служебного жилья. И сосед, милиционер, все норовил показать бедной Анне «кузькину мать». Но со временем отношения с соседями стали по-мирнее.

А потом исполнилось то, о чем давно-давно сказал прп Серафим (Романцов), что младшая сестра умрет и оставит ей жилье.

Умерла Варя от женской болезни, умирала тяжело. Роптала, гнала Анну, но все-таки, нехотя, но оставила ей квартиру.

Как Анна рассказывает, перед смертью Варя явилась в комнате РУКА, которая задернула шторы на единственном окне комнаты.

Варя сразу поняла, что ее часы сочтены и, видимо, пришла в смятение. И тут ... икона Божией Матери Касперовская, подаренная, скорее всего о.Кукшей Одесским, к которому Варя ездила когда-то на совет, стала петь! Икона простенькая, литография на бумаге, пела! Я спросила м. Анну, что она пела?

Касперовская икона Божией Матери, принадлежавшая м. Анне.

Анна не помнила, то ли «Совет Превечный», то ли хвалебную песнь св. Амвросия Медиоланского.

Вот, висит у меня теперь эта Мать Божия, я со страхом взгляну на нее когда-некогда, а чтобы акафист ей почитать, так требуются особо скорбные обстоятельства.

Так Анна очутилась в маленькой кооперативной однокомнатной квартирке в московской «башне». И ее жизнь «устаканилась».

Храмы были недалеко, ходила она молиться почти каждый день, редко, по болезни и слабости, пропускала. Готовила себе «щи», по праздникам с рыбой. Днем молилась в близлежащем леске. Конечно, не без скорбей. То сосед, выпивавший крепко мужчина, рвался в ее квартиру с криками: «Убью, уничтожу!»

Потом, когда за буйство домочадцы выставили его на лестничную площадку и не пускали в квартиру, кто, как не Анна, дала ему хоть чай с хлебом. Позже эта семья съехала.

Масса тревог м. Анны было из-за платежей за квартиру и выплату пенсии. Иногда ей пенсию не давали – не пришла на сберкнижку – и все, живи как хочешь. Мне кажется, что это какие-то «специальные» скорби для верующего человека.

Но особенных отметок все эти скорби в ее «листочках» (об этом дальше) не сподобились.

Мать Анна вообще отличалась хорошим знанием Св. Отцов Православной Церкви. На мои какие-нибудь переживания, могла сказать: «А что говорила про это прп Синклитикия?».

Чаще всего, в разговорах она ссылалась на непререкаемый авторитет: «Епископ сказал, епископ написал».

«Это какой епископ?» - я

Она: «У меня один епископ – Феофан Затворник».

После знакомства с игуменом Сергием (Рыбко) у нее стало два епископа – прибавился свт Игнатий (Брянчанинов).

Были и огорчения. М. Анна в одном храме близлежащем храме несколько лет «стояла у подсвечника».

Вот Пасха. После долгой ночной службы одна из служащих подходит то к одному, то к другому и тихонько, на ушко, приглашает «разговориться» где-то в служебных помещениях.

А м. Анну ни разу не пригласили. И идет старая женщина, еле передвигая ноги, по ночной Москве пешком до дому. Транспорт же не ходил. Горько ей, горько и мне. Ни разу я не подвезла (на такси) ни одну бабушку из храма.

Отношения с другими духовными детьми о. Кирилла тоже не сложились так, как надо бы, по-христиански. М. Анна сломала как-то обе руки. Позвонила, попросила недалеко живущую «сестру», тоже духовную дочь о. Кирилла, купить ей хлеба. Та ответила, что сейчас и завтра занята, а вот послезавтра....

Про родственников я и не говорю. Рассказываю про одну, которую она опекала (м. Анна опекала, а не та – ее).

М. Анна ее подкармливала - то деньги давала, то продукты. Причем женщине, гораздо моложе ее.

Так вот, эта родственница на просьбу купить хлеба - ответила: «Сама купи.»

М. Анна, рассказывая мне все это, потом сказала: «Я поняла только потом, что так надо было.» Вот эту фразу она мне не расшифровала. Ну, надо, так надо.

«У меня – 7 Татьян!» - говорила Анна. И перечисляла Татьяна Николаевна, Татьяна Ефимовна, Татьяна, Татьяна, Татьяна – где они были, когда нужно было купить хлеба?

Ещё были люди, в основном, женщины верующие, которые ее терпеть не могли. Почему – не знаю.

Но этот факт прибавляет, мне кажется, достоверности ее благочестию.

Вспоминаю.....

У м.Анны проживали в ее «башне» разные люди. Бесплатно. Я застала Аллу – сестру архимандрита из Киева. По-моему, у нее было что-то с психикой, но то, что с совестью что-то «не то» – это точно. М.Анна долго ее терпела, ну а та – ее, потому что м.Анна – тоже не сахар. Но потом она съехала. Ее забрала мамаша, классический пример украинской ортодоксальной верующей, мы теперь их насмотрелись, в т.ч. на майдане.

Жила ее племянница, Валентина, у которой была такая же история и с психикой, и с совестью. Только еще круче.

Конец ее жизни был трагический – она упала с крыши своего загородного домика и скончалась в больнице без Причастия, в полном одиночестве. М.Анна уливалась слезами.

На листках записей м.Анны я нашла грустные строки, что есть люди, которые хотят помогать – но «за квартиру».

Приезжали к ней из Глинской пустыни, сначала – иеромонах, потом монахини. Они что-то пекли по ночам в квартире у м. Анны (квартира-то однокомнатная!), а потом несли на продажу на ярмарку.

Так они выручали деньги для монастыря. И вконец достали старушку.

Она их попросила «покинуть помещение», но они пробыли нужный срок и, уехав, оставили какие-то противни, о которых потом м. Анна переживала, как же они их заберут?

Она щепетильно относилась к чужой собственности. И к своей тоже. Бывало, скажет – «забери платок».

Заберу, платок х/б, где теперь такой найдешь? Потом она забудет, и ищет платок. Я объясняю, что я забрала, она возмущается: «А кто тебе разрешил?» Ну, потом объяснимся и все тихо – до следующего платка. И это при полной щедрости раздачи милостыни.

Вообще круг общения м.Анны был велик и разнообразен. Вышеупомянутые Татьяны, одна из которых - медсестра (ценный человек); продавец; Николай – бывший работник храма в Сокольниках; молодой предприниматель, которого м.Анна однажды встретила так: «Начальник пришел»; инженер ЖЭКа, жалко, что не ее; ну, родные, о которых она очень переживала, и которые о ней редко вспоминали; Елена Яковлевна, «благодетельша», не покидавшая по болезни квартиры,

из «бывших»; «сестры» - тоже дух. чада о.Кирилла; военный; батюшки; о.диакон, которого она называла «ну тот, который архимандрит»; был еще диакон, «который епископ»; митрополит. Насчёт одного диакона «который епископ», знаю, что сейчас он в священном сане.

Многих посетителей я не знала. Когда она жила в своей башне, то много отвечала на звонки.

Я иногда спрашивала, а можно, к тебе придет посоветоваться моя знакомая? «Ну неест»,- говорила м. Анна. «Вы меня так в прелесть загоните».

Люди с ней советовались в житейских вопросах. Чаще всего, она отвечала прямо и твердо. Иногда неожиданно. При мне одна женщина жаловалась на сына, он и то не так, и это не так. В свое время эта женщина сделала все, что могла, чтобы сын выжил после смертельной болезни. И вдруг м. Анна говорит: «Вымолила сына? Теперь терпи».

Или я жалуюсь на начальника, которому я в то время была помощницей.

И жду, что мне тоже скажут, мол, смирайся и терпи. А м. Анна: «Отходи от него, ничего не получится». Не знаю, как у женщины, а у меня и правда ничего не получилось.

Однажды, когда я опять достигла дна в своей внешней жизни, что на меня действовало, конечно, угнетающе, м. Анна сказала, «Да ну, еще и начальницей будешь!» Ждем-с.

То есть не было вот этого: «Смирайся, терпи и слушай радио Радонеж» - и все будет хорошо. Думаю, что м. Анна еще и молилась, и Господь слышал ее молитвы. Она особенным образом относилась к Матери Божией.

Даже слова «Мать Божия» Анна выговаривала как-то особенным образом, благоговейно. Однажды посетовала:»Что же мы так холодны к Матери Божией?» Мы – это я.

И еще говорила: «Проси у Матери Божией!» почти в каждом случае. Сама она с Ней и советовалась, когда о.Кирилл из-за болезни стал не доступен, и просила Ее, и не только за себя. Она также вручала себя и свои поступки Ей, Преподобной!

И еще - она «кричала» Божией Матери. Она так и говорила: «Я ей кричу!»

Это какая-то форма молитвы, о которой я, наверное, не имею представления. Может быть – это «молитвенный вопль», о котором я где-то читала?

Тихая старость

Ее пристроили жить при одном московском храме.

Потому что она иногда уже не могла выйти из дома за хлебом – ее мучало малокровие. При храме создалось сестричество, и сестры согласились поухаживать за старенькой и благочестивой женщиной.

М. Анна явилась к храму в таком виде: в старом плаще непонятного цвета, на плече – палка, на палке висела сумка. Ей тяжело было нести сумку, и она так вышла из положения. Сестры, которые ее увидели, замерли.

Интересно, подумала одна из них, а как народ в метро и автобусе на нее реагировал?

А народ на нее реагировал, как правило, очень по-доброму.

Расскажу одну историю. При храме, в который она ходила, работал некий Витя, весь в наколках. Батюшка держал его не столько за хорошие руки, а сколько по доброте.

На панихиде

Витя выпивал, бросал, каялся, снова выпивал. И с большим уважением относился к м. Анне. А она мне наедине после встречи с совершенно трезвым Витей, махнув рукой, как отрезала: «тюремщик». Это значило – «зэк». Впрочем, немножко глубже, чем определение человека, прошедшего некоторое время в местах лишения свободы. Скорее, определение человека, который не сможет вернуться к нормальной жизни. Вот так я поняла.

Ясно было, что Витя «сидел», но не ясно было, что теперь возьмет верх – добродетель или порок? К сожалению, порок взял верх (и он «сел») и что будет именно так, м. Анне тоже было ясно. Она нормально относилась к Вите, но знала, чем у него кончатся попытки жить нормальной жизнью.

И еще один случай, с очередным подопечным - бомжом Колей. Коля тоже то работал, то выпивал, то ходил в храм и даже причащался, то опять падал.

М. Анна на мой невысказанный вопрос опять махнула рукой и сказала: «тюремщик». А я и не думала, что Коля «сидел». Только потом один случай подтвердил мне, что это – правда. И надо, забежав вперед, сказать, что и тут м. Анна была права, и он опять «сел».

Коля тоже благоговел перед м. Анной, и надо же!

М. Анна уже после своей смерти, явившись ему во сне, твердо сказала, чтобы он не ходил на похороны своего друга, умершего от водки. Коля ее послушался, не пошел. Видимо, это спасло его от каких-то неприятностей.

Вот заходит моя дорогая мать Анна в храм. В плохоньком пальто, в пуховом платке. Истоиво, медленно перекрестится, мелко поклонится. Я подхожу к ней и вижу радость на ее лице. Мы троекратно целуемся. Она не торопясь идет на свое место. И я за ней. Рядом с ней на лавке расположилась маленькая девочка. Я попросила девочку подвинуться, но получила от девочки яростный отпор. Я удивилась и взглянула на м. Анну, она смеялась беззвучно. Потом, наклонившись ко мне, сказала: «В ней бес».

Я про себя подумала, что как мы легко думаем и говорим про людей такое. Тут девочка, обращаясь ко мне сказала:»Вот придешь домой, там тебя змея-то и укусит!»

Вернувшись домой, я обнаружила неожиданно для себя, что моя невестка, совсем недавно родившая дочку, мою внучку, начала курить. И таким для меня болезненным показался этот «укус»!

Вспомнила я и м. Анну, и свои сомнения в ее правоте. Ясно, что дитя, дававшее яростный отпор всяким бабкам за предложение подвинуться, вряд ли могло вещать что-то Духом Святым.

Один случай вообще выходит за рамки реальности.

Помню, как я, зайдя в свою комнату, чем-то удрученная, подумала о м. Анне.

И она возникла передо мной в каком-то круге, как живая, ну вот как в овальном зеркале, оживленная, радостная. И потом все пропало. Я не помню, чем я была удручена, не помню, какой нашелся выход из очередной проблемы, но это «зеркало» не забывается, потому что всё переменялось.

Однажды мы с моим знакомым, имевшим машину, решили поехать в храм, где призрели м. Анну. Ехали мы долго, стояли в пробках и приехали к концу Литургии. Пошли к м. Анне . Около ее комнаты суетились люди. Оказалось, только что уехала «Скорая», которая хотела ее увезти в больницу, потому что у нее был тяжелейший сердечный приступ. Когда я подошла к ней, она открыла глаза и, оторвавшись от кислородной

подушки, сказала: «Танечка, я умираю! Меня надо причастить.»

Побежали за батюшкой, он буквально прибежал с Причастием. Причастив, он сказал: «Да она меня еще переживет!» И ушел.

Я стала вспоминать, что м. Анна говорила о смерти. Она всегда хотела жить. После каждой Пасхи она вспоминала слова митрополита, которого она особенно уважала и даже любила. Он сказал ей: «Ну, мать, до Пасхи доживешь!» И радостно говорила: «А теперь – до той Пасхи!».

Мне казалось, что у человека за 80 жизнь нелегкая - болезни, старость, мелкие и крупные укусы от окружающих – что здесь хорошего?

«Литургия!»,- говорила она. Ее радовали «и снега, и мрази», и весна, и птички. Она с удовольствием спрашивала про мою внучку: «Ну как там малюсенькая?» - очень любила детей. И они ее.

Любила сестер из сестричества.

«Как поют! Плакать хочется!», - говорила она про сестёр. Любила читать.

Стали выходить книги про ее духовных наставников – прп Серафима Романцова и глинских старцев, про арх. Тихона (Агрикова), про о.Кукшу Одесского, о. Иоанна (Крестьянкина).

Этому она радовалась как ребенок и с удовольствием обсуждала написанное со мной, иногда удивляя трактовкой как событий, так и наставлений.

Слушала «Радонеж» с удовольствием.

Пользовалась «благами цивилизации» - когда не могла идти в храм – слушала трансляцию богослужения, вечером иногда прослушивала Псалтирь или веч. молитвы.

Она быстро прошла расстояние от неприятия «машинки для молитвы» (магнитофона с кассетами молитвословий) до понимания, что лучше послушать, чем совсем не помолиться из-за немоги.

Перед Литургией читала обязательно утренние молитвы. Устроилась она в келье удобно. Обслуживать старалась сама себя.

Еду приносили из трапезной. Еда, на мой вкус, была вкусная, разнообразная и лучше, чем дома. Но м. Анна ворчала на «щи» (борщ и щи – все называлось – «щи»): свекла сырая, картофель недоваренный. Я сначала пыталась ее образумить (яйца – курицу учить), потом молчала.

В конце ворчания она вздыхала, что вот, она, худой поросенок, все копается в пище. Это была заезженная пластинка, и я опять выступала насчёт «пластинки», но она никогда на меня не обижалась. «На дураков не обижаются», - это я от себя и про себя.

Но в основном, у нее все время находились предлоги для радости.

Иногда ее огорчали люди своими поступками. Но она умела отделять грехи людей от самих людей.

М. Анна переживала чужие скорби, как свои. Анна была очень трезвым человеком, разбиралась в мотивах поступков, в людях. Но, в основном, любила их. И предупреждала их о наступающих скорбях. Не все слышали. Вернее, редкие слышали и слушались. Был молодой прихожанин, который советовался с ней – женится ли ему на одной девушке, или нет. М. Анна, не настаивая, мягко отговаривала его.

Мне сказала твердо, что ему будет трудно в браке, жена начнет командовать. Он женился, конечно. Сейчас ходит в храм, замечаю, с ребенком, но без жены. Нехороший признак.

Как ребенок любила «своего» митрополита и игумена. Причем, что интересно, что в ее жизни было два митрополита.

Один – митрополит старой закалки, тот, который привозил в монастырь, где одно время подвизалась м. Анна, гуманитарную помощь от католиков.

И митрополит, недавно рукоположенный.

И вот – они подружились! «Старый» митрополит помогал «молодому» строить кафедральный собор в его епархии. Думаю, что у них есть общая знакомая – м. Анна, они и не предполагали.

Про «своего» игумена она с каким-то детским восторгом говорила: «Муудренский батюшка!».

В отношениях с окружающими бывали моменты непонимания и неприятия поступков или мнений.

Ей давали мелкие поручения, например, пересчитать выручку. Но она переставала есть и спать, боялась ошибиться, и из-за этого отменили. Она переживала – «даром хлеб ест».

Я утешала: «Ты свое уже отработала». А потом, молитва – разве это не работа?

Последнее время.

Бывало, приходишь в ее келейку, все чистенько, все на местах и как-то тихо и беззаботно делается на душе. В открытую форточку льется вкусный весенний воздух. Мать Анна обязательно от своей трапезы что-нибудь завернет – кусок дорогой рыбки, яблочко, мандаринку. И как это пригодились. После работы лезешь в холодильник, сил ни на готовку, ни на магазин уже нет – а там! Рыбка, яблочко, мандаринчик!

Приходила я к ней в келью после службы и мешала ей отдохнуть, не понимая всей трудности ее положения. Человеку за 80, утром – служба, вечером – служба, надо поесть, надо «вычитать» монашеское правило. Да и еще кто-нибудь зайдет из сестер или

прихожан с «проблемой». И отнимали мы ее время на отдых. Я всегда готова была уйти и дать ей отдохнуть, но!

Вот в этом весь «фокус», почему мы все стремились к ней – потому что ей был дорог человек, она радовалась нашему приходу, ну вот как редкому гостю, родному человеку. Вспомнишь тут: «радость моя, Христос воскрес!» - приветствие прп Серафима.

М. Анна следила за состоянием окружающего мира, но мы редко с ней это обсуждали.

Иногда при обсуждении хозяйственных проблем, например, о колодце на даче, вылезла глобальная проблема – войны и мира. Я не хотела делать скважину, потому что может быть война, и электричеству тогда каюк, да и вообще с электричеством на даче перебои. М. Анна «успокоила» меня, сказав, что война будет такая – день, два, и все и вся сгорит, так что – делай скважину. Скважина и по сию пору не сделана, но меня удивил уровень ее знаний о грядущей войне.

Меня удивляло некоторое равнодушие к очень занимавшей меня тогда проблемы противостояния с богоборцами за строительство храма «на Торфянке». Она своей незаинтересованностью как бы отводила меня от влезания в котел страстей.

От меня по-просту брала деньги для опекаемых. Говорила: «Дай!» И я давала. Был случай – семья с детьми осталась без документов и денег, и не могла уехать из Москвы.

Попросили помощи в храме, храм не помог.

Мать Анна болезненно отнеслась к этой ситуации, подвела меня к этой семье, и попросила им помочь. Я помогла даже меньше, чем могла, но это решило их проблемы. М. Анна даже в лице поменялась, она так страдала за эту семью, а тут пришло облегчение и осветило ее лицо.

В последний год ее жизни на Пасху она попросила, чтобы ей помогла идти на Крестном ходе моя приятельница, Ирина. Ирина благоговела перед м. Анной, и потом вспоминала об этом Крестном ходе как о пасхальном подарке.

Как-то после Пасхи 2015 г., ее последней Пасхи, как потом выяснилось, она приехала в свою оставленную квартиру, позвала меня и дала распоряжения об иконах, вещах и продуктах, которые хранились, видимо, со времен голодных 90-х. Показала, где лежит ее «смертное». Сказала, что на нее надеть (все монашеское).

Я не очень обратила на это внимание, решив, что это просто предусмотрительность и постаралась выполнить ее указания.

Незадолго перед ее смертью, 17 июля, мы с ней беседовали. Она была расстроена реакцией близкого ей человека на апокалиптическую направленность всяких нововведений.

Как раз тогда в прессе обсуждалось принятие единой карточки - УЭК и даже назывались сроки – 17-й год.

Она решила, что этот ей близкий человек примет не только УЭК, но и «начертание».

М. Анна тогда мне сказала: «А теперь я хочу умереть».

И это быстро исполнилось. 23 июля она куда-то полезла, упала, сломала шейку бедра. Начался инсульт.

Ее увезли в Склиф, она там лежала в реанимации, куда никого не пускали. Но каждый день туда приходил батюшка и причащал м. Анну.

Она была без памяти, но Причастие принимала. Я тупо как-то переживала. Все время надеялась, что она оттуда выйдет. Была дикая жара, и даже думать о близком человеке, распятом в какой-то реанимации, было трудно и больно.

1 августа 2015 г., в день прп Серафима Саровского, ее не стало.

Стало пусто, как в пустыне. И Москва, изнемогшая от жары, с серыми листьями на деревьях, напоминала пустыню.

Сестричество все хлопоты взяло на себя, мы, ее знакомые, только приехали на отпевание, где стоял красивый гроб, и лежала не инокиня Анна, как почти все думали, а – монахиня Николая, одетая по-монашески, с закрытым лицом. Народу было не очень много. Приехал о. диакон «который архимандрит» и привез иконочку прп Серафима, которую м. Анна подарила ему давно-давно и велела поминать в день прп Серафима Саровского. Он удивлялся «совпадению» - ведь она умерла в день прп Серафима.

Митрополит позвонил и сказал одной сестре, что как интересно она ушла – на прп Серафима, теперь не забудешь день ее смерти и помолишься.

Тамара, прихожанка, сказала, что м. Анна сказала ей, что она будет стоять у подсвечника в ногах ее гроба, и так и получилось. День был какой-то тихий и светлый.

У меня было такое впечатление, что мы все стоим в луче рассеянного света, который часто льется из церковных окон.

9-й день пришелся на вмч Пантелеимона, который много значил в жизни м. Анны. И сам вмч Пантелеимон был «близким» святым, и бывший духовный наставник - арх. Тихон (Агриков) принял позже схиму с именем Пантелеимона.

Я в этот день, 9 августа 2015 г., молилась в храме в Коломне. Служба была торжественная почему-то.

В притворе лежали иконки для бесплатной раздачи, среди которых я нашла иконочку вмч Пантелеимона, выпущенную еще до революции Русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне. Я с ней стараюсь не расставаться.

Отпевание м. Анны (мон. Николаи). В ногах – Тамара.

А сороковой день пришелся на день именин еще одного праведника и молитвенника, которого почитает сестричество – тотемского юродивого Ливерия Семеновича, почившего в 2012 г.

Мне кажется, она в раю.

Вспоминаю ее сон. М. Анна в большой светлой комнате, приглашена за стол, за богатую трапезу. Приглашена как инокиня, она знает это, хоть и одета во все светлое. Она как-то намекнула, что Господь ее примет не монахиней, а инокиней, но ее это не огорчало. Но тут я влезая в такую область, о которой лучше помолчать.

М. Анна была, по всей видимости, духовным человеком, но я, по своей приземленности, не понимала этого, да и не могла понять.

Потому что духовного человека видит человек духовный. Конечно, были у нее какие-то недостатки.

Но помните, что написано на одном из ее листков? Что Господь даже святым промыслительно оставляет недостатки, чтобы они смирялись.

Ну, хорошо хоть побыла с ней какое-то время рядом. Грелась в тепле ее любви. До сих пор ее не хватает. И не одной мне. Мы, ее знакомые, объединены тем, что знали ее. И это какое-то тёплое кольцо. Как она сама.

Кроме того, м. Анна (монахиня Николая (Шкуркина) – это представительница того поколения православных людей, которое пронесло огонек веры в страшные времена торжествующего безбожия и глобальных наказаний русского народа за это торжество. Это поколение уже почти ушло, и хотелось бы оставить описание такой простой и такой сложной жизни настоящей православной христианки - плоть от плоти, дух от духа того народа, который сам себя назвал крестьянином (христианином), и в лучших своих стремлениях и представителях им и был.